

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Каждый,
кто владел
рубином с огнем
Прометея,
сгорал в адском
пламени...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

**Медальон с пламенем
Прометея**

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Медальон с пламенем Прометея

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Медальон с пламенем Прометея / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2022 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-168112-8

Древнегреческий герой Прометей принес с Олимпа божественный огонь, а людям удалось заключить его в драгоценный рубин. Волшебный камень помогал его владельцу раскрыть подлинный талант. Рубин попал к поэту Владимиру Маяковскому, но тот не справился с силой божественного пламени и застрелился... В Ленинграде пятидесятых годов жестоко убит поэт Афанасий Зыков – он зарезан в собственной постели. С груди убитого пропал старинный медальон с огромным рубином. Никто из близких поэта не знает, откуда и когда появился у него этот камень и почему он так ревностно хранил его от посторонних... Какая это редкость – настоящий, истинный талант! А какими гранями он может засверкать, если человек завладеет камнем с божественным пламенем? Каких высот он может достигнуть, какие шедевры может подарить человечеству! А что, если же этот рубин попадет в руки обычного человека, слегка одаренного, очень амбициозного и жадного до славы? Какова будет расплата за такой дар? Артефакт&Детектив – это серия для читателей с тонким вкусом. Загадки истории, роковые предметы искусства, блестящая современная интрига на фоне изысканных декораций старины. Сюжет основан на поисках древнего артефакта. Артефакт – вне времени, и кто знает, утихнут ли страсти по нему в новом столетии?!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168112-8

© Алейникова Ю. В., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	9
Часть I	16
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Алейникова

Медальон с пламенем Прометея

© Алейникова Ю., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

АРТЕФАКТ
&
ДЕТЕКТИВ

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Медальон
с пламенем
Прометея

МОСКВА
2022

**Читайте детективы
Юлии АЛЕЙНИКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятие Ивана Грозного и его сына Ивана
Крест Иоанна Кронштадтского
Тайное сокровище Айвазовского
Нефритовая орхидея императрицы Цыси
Кровавый след бога майя
Тайна русского путешественника
Медальон Великой княжны
Клад последних Романовых
Перстень Григория Распутина
Крест великой княгини
Проклятие Пиковой дамы
Прощальный подарок Карла Брюллова
Золотой камертон Чайковского
Медальон с пламенем Прометея

Пролог

Володик доказал мне, какой это чудовищный эгоизм – застрелиться. Для себя-то это, конечно, проще всего...

ЛИЛЯ БРИК

Сентябрь 1917 г. Санкт-Петербург

– Ирина, кого ты привела? Что это за тип? Что за нелепое знакомство, он похож на ломового извозчика, к тому же наверняка большевик! – взволнованно шептал Владимир Карлович на ухо своей легкомысленной дочери, удерживая ее за локоток в прихожей.

– Ну, разумеется, большевик! – фыркнула та, окидывая родителя полным независимого превосходства взглядом. – А вы кого бы желали видеть, члена императорской фамилии?

– Ирина! – захлебываясь возмущением, шепотом воскликнул Владимир Карлович.

– Успокойся, папа, он не большевик. Он художник, футурист, к тому же поэт, а форма – это так, временное. Он служит в автомобильной школе, по-моему, очень современно. И вообще, он очень интересный человек, сильный, открытый, смелый, он как глоток свежего ветра, не то что твои крысоподобные знакомые, шишуются по углам, трясутся, так что из них пыль веков сыплется.

– Ирина, мои знакомые достойные люди, заслуженные, из приличных фамилий, а то, что сейчас честным людям жить стало страшно, так то не их вина! А впрочем, – тут же потухая, вяло проговорил Владимир Карлович, – пойдем в гостиную, а то твой гость наверняка заскучал. Да и мама, наверное, растеряна.

Громоздкий молодой человек с мощной челюстью и громким голосом плохо вписывался в обставленную фамильным кленовым гарнитуром столовую. Не гармонировал он с тонкой вязью золотых ирисов на темно-зеленых обоях, с изящной сервировкой стола и хозяевами квартиры, старомодно чопорными, тихими и невыразительными супругами, бароном Владимиром Карловичем Гоггерном и его женой Натальей Романовной.

Обед проходил в натянутой обстановке, вызывая у хозяев чувство неловкости. Впрочем, неловко себя чувствовало исключительно старшее поколение, дочь хозяев Ирина Владимировна, бойкая короткостриженная девица, с вытянутым, как у отца, лицом и светлыми прозрачно-голубыми глазами, ее кузина Эльза Оттовна и гость вели себя исключительно раскованно и свободно.

Молодой человек с аппетитом закусывал, презрительно поглядывая по сторонам, говорил громко, уверенно, не стесняясь собственных оригинальных, а скорее, даже вызывающих суждений.

Девицы его во всем поддерживали и так же высокомерно и снисходительно реагировали на редкие реплики и замечания Владимира Карловича и его супруги.

– Вы совершенно правы, Владимир Владимирович, – громко восклицала Ирина Владимировна, косясь на отца. – Пушкин и Лермонтов – это все уже устарело, нужны новые формы, яркие, выразительные, созвучные времени, и мне кажется, сейчас появляется очень много талантливых молодых людей. Веет какой-то свежестью, новизной. А как вам нравятся Ахматова? Цветаева? Гумилев, Волошин? А Блок? Разве не прелесть? Хотя и они уже не так новы, а вот Сергей Есенин? Что вы думаете о Есенине?

– Этот имажинист в лаптях и рубахе? Да видали вы когда-нибудь что-то более нелепое? Это же шут гороховый! – фыркнул очередной раз, взмахнув огромной ручищей, гость. – А впрочем, парень талантливый, если из этих карикатурных «мужичков» кто и оставит свой след в искусстве, то уж он. Хотя, конечно, все эти березки-елочки... не про революцию все это, не про то, что за окном грохочет. Вяло, сладко, аж до приторности.

Громоздкий молодой человек был не глуп, образован, но при этом как-то неприлично громок, неуклюж и резок. Суждения его были вызывающе независимы, насмешливо оскорбительны, а его солдатская форма и грубоватые манеры неуместны в степенной респектабельной столовой барона. Супруга Владимира Карловича, тихая, кроткая Наталья Романовна, с немым ужасом смотрела то на дочь, то на гостя. Он виделся ей кем-то вроде людоеда с далеких тропических островов.

Она то и дело испуганно вздрагивала, когда гость взмахивал зажатым в могучем кулачке ножом, словно боялась, что он того и гляди кинется на них. Жестикულიровал гость размашисто и, казалось, заполнял собой всю комнату.

А вот Ирина Владимировна смотрела на гостя с восторгом, впрочем, и в ее восторге было что-то неприличное, смотрела она на него как на заморского зверя или циркового уродца, чем вызывала брезгливое неодобрение отца.

Увлечение дочери всяким сбродом не сулило ничего хорошего. А впрочем, чего хорошего можно теперь ожидать в этом обезумевшем мире?

Барон тяжело вздохнул и неодобрительно взглянул на гостя, хвастливо обещавшего вырубить свое имя на скрижалях истории, и в этот момент в нем вдруг загорелась мстительная идея, а не помочь ли?

Барон нехорошо улыбнулся и внимательнее всмотрелся в молодого человека. А может, не стоит? Что ни говори, а все же из приличной семьи, гимназию окончил... семью имеет... мать, сестер...

В этот момент молодой человек весьма уместно и безапелляционно заявил, что всю труху, всех этих капиталовладельцев, всех буржуйско-купеческих кровососов и родовитых маразматиков с потомством революционные массы сметут с лица земли, вырастив на их месте нового свободного человека, гиганта мысли и духа.

Барон почувствовал некий зуд в руках и желание придушить этого нелепого, недалекого, безоглядного вершителя судеб. Да уж, куда там!

«Придется все же помочь... со скрижалями», – злорадно усмехнулся про себя барон.

– Что ж, – поднимаясь из-за стола, решительно перебил гостя Владимир Карлович, – я думаю, чаю можно будет выпить чуть позже. А пока я бы хотел показать нашему гостю кое-что из наследия той самой трухи, о которой скоро никто и не вспомнит, – суетливо потирая руки, с мягкой любезностью произнес хозяин дома. – Ирина, помоги маме накрыть на стол. А мы с вами, сударь, ненадолго отлучимся. – И крепко ухватив молодого человека за локоть, повлек его за собой.

Молодой человек соорудил скучливую мину, но подчинился.

– Сюда, в мой кабинет, – любезно распахивая перед гостем двери, проговорил барон, и Владимир шагнул в плотно заставленную мебелью, заваленную бумагами, раскрытыми книгами и какими-то чертежами комнату. – Простите за беспорядок, это следствие моей увлеченности, знаете, как бывает, начнешь читать книгу, придет в голову какая-то идея. Спешешь ее проверить, хватаешься за новый том, старый откладываешь тут же в сторону, в надежде дочитать начатое через несколько минут, забываешь, потом в голову приходит новая идея или рождается вопрос, спешешь их проверить, и вот ты уже окружен, – барон обвел рукой кабинет, – целыми Гималаями фолиантов. И что ужасно? Рука не поднимается поставить их обратно на полки, ведь тогда забудешь, что хотел прочитать, и уже никогда не вспомнишь, и мысль потеряешь, и идею. Вот так и живу. – Он смиренно улыбнулся: – А вы проходите, присаживайтесь, вот хоть сюда, в это кресло. Эти чертежи как раз можно уже выкинуть. Хлам.

И барон без церемоний сгреб на пол целую кипу бумаг.

– Садитесь. Сейчас я достану наше фамильное сокровище. – И взгляд его впервые со времени их знакомства оживился, осветив лицо барона и придав ему выражение некоего остроумного лукавства.

Барон, повернувшись к гостю спиной, поколдовал возле старинного бюро, пузатого, покрытого затейливой инкрустацией, с бронзовыми финтифлюшками, затем, щелкнув несколькими ящичками, повозившись минуты две, заботливо прикрывая бюро спиной, повернулся к гостю, держа в руке небольшую шкатулочку.

Молча подошел к столу, достал из жиластого кармашка ключик на цепочке, отпер шкатулку и извлек оттуда другую коробочку, обтянутую потертым бархатом, с потемневшим от времени серебряным вензелем на крышке.

– Взгляните, молодой человек, – протягивая гостю футляр, таинственно понизив голос, предложил барон и откинул крышечку.

Внутри коробочка была металлической, вероятно, серебряной, и на зеркальной полированной поверхности сиял невероятным живым теплым светом язычок пламени. Нет, нет. Не пламени, так показалось Владимиру вначале. Это был камень. Да, камень. А ощущение живого пламени, очевидно, создавалось игрой света на полированной поверхности шкатулки.

– Что это? – без особого любопытства спросил Володя, глядя на непонятную вещь. – Какой-то рубин?

– Эта вещица хранится в нашем семействе столетия, – глядя пристально на молодого человека, пояснил барон. – Еще со времен Каролингов, а может, и раньше.

Камень как-то особенно ярко полыхнул, словно вспыхнул. Владимир невольно прищурился, подозрительно нахмурил брови.

– И что это за фокус? В днище шкатулки керосин налит?

– Ну что вы! За кого вы меня принимаете, – вскинул голову барон. – Это священное пламя.

– Небесный огонь? – вновь теряя интерес, с насмешкой спросил Владимир. – Должно быть, ваши предки были католическими шарлатанами, что дурили простой люд дешевыми чудесами? Может, еще и палец в шкатулку совали, чтобы доказать, что огонь настоящий? – небрежно спросил Володя, тщеславие этих замшелых аристократов его бесило. – В наш век такими балаганными фокусами уже никого не впечатлишь. – От его неприкрытого пренебрежения и откровенной прямолинейной грубости барона передернуло, но он стерпел.

– Ни в коем случае! Это пламя не касалось никого из представителей нашего рода. И это не просто огонек. Это пламя Прометея! – тихим торжествующим голосом сообщил барон, и темные, обычно неживые его глаза неожиданно сверкнули. – Вы же знакомы с греческой мифологией?

– Разумеется, – сухо ответил Володя, теряя всякий интерес к древности.

Пламя Прометея! Пф!

– Прометей подарил людям божественный огонь, огонь, который вывел их из животного состояния и помог стать подобным богам. Этот огонь пробудил в них жажду знаний, стремление к совершенству, понимание красоты и способность к творчеству. Этот огонь – божественное вдохновение, превращающее обычного человека в великого творца. Вспыхивая внутри человека, он освещает все его существо и помогает видеть мир ярче, отчетливее, дарит такой прилив творческих сил и энергии, какой позволяет создать бессмертные творения, сияющие в веках! И не важно, что это, музыка, танец, живопись или поэзия. Правда, у всего в этом мире есть цена, тем более у вдохновения.

Владимир прикрыл ладошкой зевок.

– Я уже говорил, что никто из нашего рода не был истинным обладателем этой святыни, но время от времени, очень редко, мы делимся им, одалживаем его, – продолжал барон, проигнорировав поведение молодого гостя. – Например, последним истинным обладателем

пламени был некий молодой человек, наш с вами соотечественник. Его звезда засияла чуть меньше ста лет назад. Это был пылкий талантливый юноша, весьма одаренный. Мой прадед был очарован им и, поддавшись душевному порыву, подарил юноше, а точнее, одолжил сию реликвию. Увы, юноша быстро сгорел, ибо огонь такой силы не может долго пылать в груди смертного.

– Может, озвучите имя этого дарования? – скептически попросил Владимир.

– Пожалуйте. Михаил Юрьевич...

– На Лермонтова намекаете?

– Ну что вы, никаких намеков. Сей пламень мой прадед, по случаю находившийся в Пятигорске, снял с остывшей груди молодого человека. После смерти своего, скажем так, носителя огонь словно проступает на коже, выходит наружу, и его можно забрать, главное, не касаться его. Впрочем, это ненужные детали.

Владимир внимательно взгляделся в лицо барона. Оно было лишено какого-либо намека на шутейность. Напротив, барон рассматривал заключенное в камень маленькое пламя с выражением глубокой задумчивости, словно полностью забыв о госте.

– А раньше, много раньше, – бормотал барон, – был другой юноша, тоже невероятно одаренный. Практически отрок... Ах, что это было за чудо! Солнечный талант, яркий, ослепительный... – И барон едва слышно напел несколько музыкальных фраз.

– На Моцарта намекаете?

– Я же сказал, молодой человек, что эта реликвия принадлежит нам со времен Каролингов. Но за все время владения этой вещью лишь несколько раз она передавалась в руки посторонних и каждый раз возвращалась назад, к законным владельцам. А кстати, не желаете ли взглянуть поближе? – внезапно оживившись, предложил барон, протягивая гостю футляр. И лицо его вновь озарилось мгновенной вспышкой, высветив глубокие морщины и снова заставив вздрогнуть Владимира.

Барону все же удалось разбудить его любопытство, и Владимир, низко наклонившись над футляром, взгляделся в сверкающее холодными лунными бликами серебро шкатулки и яркий слепящий свет единственного язычка пламени, трепыхавшегося в центре, теперь оно казалось свободным, не скованным гранями камня. Владимир протянул руку, чтобы ощутить его тепло и реальность, и оно вдруг потянулось к нему, словно живое.

– Не бойтесь, оно не обжигает руки, можете дотронуться до края шкатулки, не стесняйтесь, – ободрил его барон, заметив, как дрогнула рука гостя, и на худом лице его словно тень промелькнуло выражение неприятной глумливой угодливости.

Владимир дернул независимо плечом и опустил кончики пальцев в шкатулку, ухватив сияющий камень, и тут же пламя скользнуло к нему на ладонь, словно живое, оно ластилось к коже, согревая ее, и словно таяло.

К удивлению и испугу Владимира, теплое сияние живого огня буквально впиталось в его ладонь, освещая теперь ее изнутри, делая прозрачной, освещая желто-оранжевым светом мельчайшие складки кожи и кровеносные сосуды, он даже остановился на вздохе, затаив дыхание. А камень, напротив, погас. Он стал скучным, прохладным, чуть больше пятака... обыкновенный турмалин, очень бледный.

– Я... я не понимаю, я... еще один фокус?... – разглядывая ладонь, спросил Владимир.

– Поздравляю вас, молодой человек, теперь в вас пылает великий огонь Прометея, скоро он доберется до вашего сердца, и тогда мы будем вправе ожидать от вас поистине великих творений! – восторженно воскликнул барон, но восторженность эта была с привкусом какого-то иезуитского вероломства.

Впрочем, когда Владимир смог оторвать взгляд от своей ладони, в облике барона уже не было заметно ничего пугающего, он был обыденно уныл и скучен, а глаза его были мертвы и невыразительны.

– Возьмите этот камень на память об уходящем мире и обо мне. Вот, цепочка, советую носить камень на шее, не снимая, – опуская в руку Владимира простую, потемневшую от времени цепочку, посоветовал барон.

Владимир взглянул на камень и только сейчас заметил, что он оправлен тонкой золотой линией, наподобие подвески.

– А теперь идемте, нас заждались, – нетерпеливо подтолкнул его к дверям барон.

И еще долго потом в последующие дни и недели Владимир вспоминал это происшествие, разглядывая камень, и все меньше верил в реальность случившегося, виня во всем глупую чувствительность и буйную фантазию, которые сделали его легкой добычей старого злобного шутника, пожелавшего превратить его во всеобщее посмешище.

14 апреля 1930 г. Москва

Владимир оторвал взгляд от женщины, так беспомощно сложившей в мольбе руки, лепетавшей бессвязные уверения, и взглянул в окно, там за прозрачной гладью стекла синело глубокое апрельское небо, там орали как полоумные воробы и хорошенькие принаряженные гражданики постукивали каблучками по тротуару, неслись, громяхая железом, авто, неспешно тащилась вдоль тротуара сонная кляча с телегой, клубилась вдоль тротуаров прозрачная дымка пыли.

Он потерял сердце и, обернувшись к своей гостье, вцепился ей в руки.

Она была его спасением, ее молодость, свежесть были для него как прохлада ручья для утомленного зноем и жаждой путника. Как глоток живительной свежей влаги, который поможет утолить тот пламень, что сжигал его изнутри. Он не мог с ним больше справляться, он боялся остаться один, боялся, что не удержит его и пламя вырвется наружу, сметая все на пути, превратится в огненный смерч, чей вихрь сметет этот дом, улицу, город.

Владимир больше не мог удерживать его. Он устал, у него нет больше сил. Пламя уже не дарит вдохновения, не делает жизнь ярче, острее, оно просто пожирало его.

– Норочка! Я умоляю, я требую, немедленно бросайте театр! Я ненавижу его, он вам не нужен! – со страстью отчаяния восклицал Владимир у ног этой хорошенькой потерянной девочки. – Вы остаётесь со мной сейчас, немедленно! Я больше не отпускаю вас, вы останетесь здесь со мной, и точка! Я немедленно еду в театр, я скажу им, что вы не вернетесь, я куплю вам все необходимое, я поговорю с вашим мужем!

– Боже мой, как вы не понимаете? Так нельзя, он хороший человек, я не могу так, я должна сама... И театр... разве я могу его бросить? Я буду вашей сегодня же, но театр? Нет, так нельзя... – снова горячо говорила она, сжимая его ладони своими маленькими слабыми пальчиками.

Эти разговоры, эти пустые слова... Они говорили так уже долго, часы, дни, и каждый раз она уходила, они ссорились, мирились, он терял силы, надежду...

Ах, что может сделать, что может поправить эта девочка? Это обман, обман отчаявшегося человека.

Он снова потерял грудь и с горечью воскликнул:

– Ах, так! Ну, тогда уходи, уходи немедленно, сию же минуту.

– Мне еще рано, я могу остаться ненадолго.

– Нет, нет, уходи сейчас же. – Ему надо остаться одному, так будет лучше, легче. Пора с этим покончить.

– Но я увижу тебя сегодня? – пытаюсь поймать его взгляд, дрожащим голосом спрашивала женщина.

– Не знаю. – Нестерпимо больно!

– Но ты хотя бы позвонишь мне сегодня в пять?

– Да, да, да.

– Что же, ты не проводишь меня даже?

Наконец он смог взять себя в руки, ему удалось унять жар, ненадолго, на мгновения, минуты.

Он подошел к ней, поцеловал и сказал совершенно спокойно и очень ласково:

– Нет, девочка, иди одна... Будь за меня спокойна...

Улыбнулся и добавил:

– Я позвоню. У тебя есть деньги на такси?

– Нет.

Достал кошелек, дал двадцать рублей.

– Так ты позвонишь?

– Да, да.

Хлопнула дверь, раздался стук легких каблучков за дверью.

Холодная тяжесть металла скользнула в ладонь. Все чаще в последние дни он брался за «маузер», его успокаивала тяжелая неподвижность и холод оружия. Как бы ему хотелось слиться с этой прохладой, стать таким же холодным и равнодушным, обрести покой и неподвижность стали.

Владимир представил, как холодный металл врывается в его сердце, гася нестерпимый, пожирающий его пламень, освобождает, дарит покой, долгожданный, страстно желаемый.

Палец дрогнул, грохот выстрела разорвал перепонки, острая мгновенная боль...

Где же избавление... Где?

– Что вы наделали? Что вы наделали?

Норкочка... он уходит... гаснет... хорошо...

– Что вы стоите? Бегите, встречайте карету «Скорой помощи»! – тормозил Веронику худой незнакомый мужчина, она бессмысленно смотрела на него невидящими глазами, потом сообразила, поднялась с колен и поспешила вниз на улицу встречать доктора.

Зачем? Ведь Володя умер. Умер! Или еще не поздно, еще можно спасти?

Барон скользким, вороватым взглядом окинул комнату и незаметным движением вынул из кармана маленькую серебряную коробочку, торопливо расстегнул несколько пуговиц на рубашке распластанного на полу Маяковского и поднес к груди умирающего шкатулку. Едва заметная теплая вспышка плеснула по полированным бокам шкатулочки.

Барон резким, уверенным движением сдернул с шеи умирающего золотую цепочку, торопливо опустил ее вместе с алым, налившимся пламенем камнем в шкатулочку и, подняв глаза, встретился с угасающим взглядом поэта.

– Вот так, – беззвучно прошептал барон, кривя губы, – проходит слава мира. Прощайте. Вы велики, как и мечтали.

Он встал, протолкался к двери, в комнату уже набились какие-то людишки, и, не оборачиваясь, поспешил вниз по лестнице.

Он успел, он все рассчитал вовремя. Как и было предсказано его предками, момент агонии всегда можно предугадать заранее. Конечно, этот мальчик оказался на редкость силен, но и его силы были небесконечны, теперь его уделом стала вечность.

В сутолоке, плаче, возгласах, суете никто не обратил внимания на исчезновение худого высокого человека в пальто. Никто его даже толком не рассмотрел и не запомнил, рассуждал барон, упруго шагая по тротуару, и теперь, теперь можно покинуть эту обезумевшую страну с ее громкими лозунгами, безумными идеями, нелепыми планами и трагическими перспективами. Да, да. Именно трагическими. Невозможно даже вообразить, что этот кровавый шабаш приведет ко всеобщему благоденствию. Нет, нет. Пора уезжать!

Барон свернул с проспекта в переулок, на всякий случай свернул во двор, небольшой, застроенный неряшливыми деревянными сараями, шмыгнул в незаметную щелочку между стеной и забором и выбрался в другой двор, отряхнул пальто и внезапно налетел на стену дома, с силой ударившись лбом об оголившиеся кирпичи.

– Что происх... – попытался сообразить барон, с трудом удержавшись на ногах, но получил сильнейший удар по голове и, уже падая, увидел лицо нападавшего. – Вы? Как же так? Почему? – Барон получил еще один удар по голове, и последнее слово, которое он хотел сказать, так и не слетело с его уст. – Сволочь.

А чужая, крепкая рука скользнула барону в карман и извлекла оттуда небольшую бархатную коробочку.

Часть I

Глава 1

19 апреля 1958 г. Ленинград

– Зиночка? Зинуля? – стонал Афанасий Петрович, лежа в кабинете на диване и потирая рукой пылающую грудь. – Зиночка! Плохо!

– Ну что выть-то? – заглядывая в кабинет, грубо поинтересовалась Анфиса, то ли приживалка, то ли домработница. Беспардонная, нагловатая, совершенно отбившаяся от рук, но почему-то до сих пор не уволенная.

– Анфиса, где Зинаида Дмитриевна? Позови.

– Нету ее, ушедши, – сухо сообщила Анфиса, без всякой жалости взирая на страдающего Афанасия Петровича.

– Как нет? А где же она? – забеспокоился страдалец, забыв на минуту о сердце.

– Ушла.

– А куда?

– Она передо мной не отчитывается. Платье красное жоржетовое надела, цветок белый, такой большой, на плечо приколола, шляпку новую надела, и «пишите письма». Полчаса уж, как ушла.

– А что же она мне ничего не сказала? Куда же она, поздно ведь уже, скоро ужин... – еще больше заволновался Афанасий Петрович.

– А вот так тебе и надо! Нечего было на молодой жениться! – злорадно заметила Анфиса, приваливаясь к дверному косяку. – А то выдумал, седина в голову – бес в ребро! Ему бы о душе подумать, а он вертихвостку молодую в дом привел!

– Анфиса!

– Ну ничего, она тебе даст прикурить, старому греховоднику!

– Я не старый!

– Это тебе не Ниночка, святая душа! Ушла из собственного дома с одним чемоданчиком, да если бы я ей шубу да пальто и ботики не отвезла, так ведь к зиме бы голой осталась.

– Ладно прибедняться-то! Ты ей еще и одеяло атласное отвезла, и подушки, и еще бог знает что!

– Да, отвезла, потому как порядочный человек квартиру бы жене отдал, а не ее на улицу выгонял! – тут же вцепилась в него Анфиса.

– Никто ее не выгонял, сама ушла! – приподнимаясь на подушках, отчаянно защищался Афанасий Петрович.

– Ушла, потому что любила тебя, старого ирода! Как любила! – укоризненно качала головой Анфиса. – Ну ничего, Боженька, он все видит, Зинка тебе еще устроит. Кара Божия! – прогрохотала она пророчески, но взглянула на бледное, страдальчески искривленное лицо Афанасия Петровича и чуть подобрела: – Сейчас пузырь со льдом принесу.

Афанасия Анфиса недолго любила, хотя и приходился он ей двоюродным братом. А за что любить-то?

За то, что приютил ее, когда она, оставшись совсем одна, потеряв родителей, приехала из деревни в город? Тогда она хотела сразу на завод поступать или на фабрику, а он уговорил ее по дому им помочь. Любовь Сергеевна до войны работала в райкоме, уважаемым человеком была, Петенька, сынок их, еще совсем маленький был, такой шустрый, глаз да глаз за ним, вот она у них и за няньку, и за домработницу, зря чужой кусок хлеба не ела. А потом война, эва-

куация. Анфиса в госпиталь нянечкой устроилась, потом Люба умерла, потом война закончилась. Вернулись в Ленинград, живи да радуйся. Но Афанасий Петрович как с цепи сорвался.

Бабы, гулянки, что ни вечер – гости, да все один другого противнее. Как еще не спился? Петенька так расстраивался, даже плакал однажды у нее на коленях, за что папа так с маминной памятью? Анфиса его очень жалела, любила как родного, своих-то Бог не дал. А потом Петенька с Афанасием Петровичем ругаться начали. Единственный сынок, наследник, кровиночка родненькая, а отцу словно вовсе не нужен. Воспитывали его школа, комсомол, да вот она, Анфиса. А отец родной в дневник ни разу не заглянул!

Очень Анфиса на Афанасия тогда сердилась, а чем все кончилось?

Переругался с сыном вконец. Потому как не простил Петя отцу, что тот после смерти матери стал по бабам гулять, оскорблением памяти счел. Ругались, ругались, а потом Петя собрал вещички и в общежитие переехал, он тогда как раз школу окончил и в Кораблестроительный институт поступил на инженера-конструктора. Анфиса столько слез пролила, чуть не каждый день к нему в общежитие ездила, покушать возила. Да вещички кое-какие, денег пыталась дать, не взял, гордый. Устроился по ночам вагоны разгружать. Хорошо, парень здоровый, спортсмен. А с Афанасия Петровича все как с гуся вода! Родная кровь! Единственный сын! Даже сердце не дрогнуло, сколько его Анфиса ни пилила.

А потом появилась Ниночка. В сорок девятом они расписались, под Новый год.

Какая женщина! Тихая, добрая, умница, красивая, хозяйка хорошая. А как она паразита этого любила, Афанасия Петровича? Души в нем не чаяла! Петю разыскала, хотела с отцом помирить. И ведь почти помирила, хоть раз в год по праздникам стали встречаться. Петя к Ниночке всегда относился хорошо, уважительно.

Да только и ей Афанасий крови попортил! Пил, скандалил, погуливал, хорошо, не бил, а она хоть бы слово упрёка! Болел – лечила, капризы его терпела, лучший кусок за столом – ему, хвалила, рукописи перепечатывала, а ведь у нее самой образование, ведь не последний человек была, доцент! Ангельский характер был у Ниночки. И ведь моложе его была на десять лет! Жил бы старый пень да радовался, нет, старый козел! Нашел себе эту попрыгунью Зинку! А что в ней хорошего? Губки бантиком? Ноги? Задница, которой она вертит направо и налево? Грудь колесом? Ну да. А больше-то ничего. На Афанасия она плевала, ей только и дела, что до себя. Вот когда деньги нужны, тут, конечно, подольстится. И в лысину поцелует, и на коленки заберется, а у него артрит, кряхтит старый дурень, а морда масляная. Тьфу. Ну а как денежки выманит, только ее и видели, уже по магазинам поскакала да по гостям и театрам, и все без мужа.

Бог его покарал!

Анфиса напихала в грелку лед и пошаркала обратно в кабинет.

Уйти бы, бросить этого паразита, думала Анфиса, а вот что-то не уходит. Может, жалеет? А может, привыкла. Его квартира вроде как и ей дом, другого у нее нет. А уйти в никуда, как Ниночка, увольте. Да и болеет он все больше. А на Зинку какая надежда? Пигалица бесстыжая. Она его точно в могилу раньше времени сгонит, старого дурня.

– Ну что? Не легче? – входя в кабинет, ворчливо спросила Анфиса. – На-кася, вот. Приложи грелку со льдом. Я сегодня на ужин голубцы приготовила, твои любимые. Скоро на стол буду накрывать. – Голос ее звучал добрее, ласковее, а натруженные руки мягко, по-матерински нежно поправляли воротник рубашки. – Ну, не куксись, придет твоя Зинка, куда денется, к подружке поскакала небось, к этой, как ее? Ну, муж у нее еще в продмаге работает? К Дуське, точно.

– А может, она записку оставила, а?

– Ну да, как же, – хмыкнула Анфиса, выходя из комнаты.

«И вот как так выходит, что мужики нами, бабами, командуют и всем миром тоже? – размышляла Анфиса, накрывая на стол. – Вот взять хотя бы Афанасия, лауреат Государственной

премии, заведующий литературным отделом, член партии, в президиумах заседает, а дурак дураком. Да его любая бабенка вокруг пальца обведет. Да и все они такие, кобели, прости господа. В хозяйстве ничего не смыслят, деньги тратить не умеют, да брось такого одного, что с ним будет? Помрет, одно слово. А все туда же. Щеки надувать да командовать. Охо-хонюшки-хо-хо». И чего она, Анфиса, в начальники не вышла? Образования, видно, не хватило, а так бы она им всем показала!

Анфиса так часто думала, представляла себя в платье из панбархата, с медалями на груди, во главе какого-нибудь важного совещания, вот, как сидит она и всем указы раздает да головомойки устраивает. А что, у нее бы получилось.

– Анфиса, ты ужинала?

– Нет еще, – накладывая Афанасию Петровичу голубцы, сухо ответила Анфиса.

– Присядь, поешь со мной.

– Чего это? С прислугой поужинать решил? – уколола его Анфиса.

– Ну какая ты мне прислуга? Единственный родной человек, сколько лет в одном доме живем? Любы уже нет, Нина ушла, Петя вырос, а мы с тобой все вместе. Сядь, поешь.

Анфиса подозрительно посмотрела на Афанасия Петровича, но голубцов себе положила и села напротив за стол.

– Мы, Анфиса, с тобой ровесники?

– Да вроде как.

– Ну да. Лет нам с тобой уже немало, и кто знает, сколько кому отмерено, – вздыхая печально, проговорил Афанасий Петрович. – Скажи, ты смерти не боишься?

– Чего? Никак помирать собрался? – озадаченно нахмурилась Анфиса. – Ты чего, захворал, что ли? У врача был? Обследование делал?

– Да нет. Не в том дело. Человек может и без хвори в одночасье преставиться, если ему так Господь отмерил.

– А чего это ты вдруг про Бога вспомнил?

– Да при чем тут Бог, – начал сердиться Афанасий Петрович. – И помирать я не собираюсь, а так вот, отвлеченно.

– А что отвлеченно думать? Вот помру, тогда и думать буду, а пока еще поживем, глядишь. Рано нам еще.

– Да, поживем. А за мной вроде как смерть ходит, – тихо проговорил Афанасий Петрович, жалобно глядя на Анфису.

– Это еще что за глупости? – Анфиса была женщиной простой, грубоватой и лишенной всякой фантазии. А потому страшно раздражалась, когда Афанасий Петрович начинал заводить философские беседы о смысле жизни, о величии духа и прочей ерундовине. Теперь вот смерть какую-то приплел.

– Да я серьезно. Вот, послушай. Это недели полторы назад началось. В тот день я из редакции журнала «Нева» вышел, день был больно погожий, до дома рукой подать, вот я Корнея с машиной и отпустил. Иду по набережной Мойки, солнышку жмурюсь, настроение прекрасное, и вдруг начинаю чувствовать что-то недоброе. Вот тяжело на сердце ни с того ни с сего стало. Словно камень положили. Даже поежился, а потом стало мерещиться, что кто-то в спину смотрит, недобро так. Ну я и обернулся. А за мной метрах в десяти, а то и поболее женщина идет. Высокая, худощавая, вся в черном, и шляпка такая с вуалеткой, лица совсем не разберешь, и взглядом меня сверлит. Я тут как раз до Желябова дошел, там народу побольше, и быстренько, быстренько на другую сторону улицы и дворами к нам, на улицу Софьи Перовской, и уже когда к дому сворачивал, снова оглянулся, а она так за мной и идет.

– Эка невидаль, может, живет недалеко.

– Может. А только потом я ее еще видел. На следующий день дождь шел, я на машине ездил, а вот в среду я с утра в Дом книги решил пешком пройтись, посмотреть, как мой послед-

ний сборник стихов продается, а Корнею велел меня на Невском ждать. Иду у нас тут вдоль канала, и снова спине неуютно стало. Обернулся, опять она!

– Ну точно, живет рядом.

– А в четверг я ее видел возле Райсовета, а в субботу мы с Зиной в театр ходили в Кировский, это тебе не возле дома, – с нажимом, начиная сердиться, рассказывал Афанасий Петрович. – Так я ее после спектакля на улице видел, она нам навстречу шла, а еще в воскресенье на Петроградской, когда из гостей шли. Тоже совпадение? – все больше волновался Афанасий Петрович.

– Может, у вас воспаление мозга или еще что с головой? – насмешливо спросила Анфиса. – Мало у нас старух по городу в черном ходит? Цвет немаркий, да и вообще. Лица вы ее не видели, так что может, это разные женщины.

– А шляпа и перчатки, все одно и то же.

– Фантазия это ваша небось. И вообще, член партии, атеист, а в какие-то глупости верит! Смерть! Тоже выдумал...

– К Моцарту тоже, между прочим, смерть приходила, реквием заказывать, – не пойми к чему сообщил Афанасий Петрович.

– Сказки это все. Глупости, – решительно заявила Анфиса.

– Ну, может, и так, – заметно повеселел Афанасий Петрович. – А вот скажи, Анфиса, стихи тебе мои нравятся? Ты же их читала?

– А то.

– Ну и как?

– Неплохие.

– Неплохие? Анфиса! Стихи не бывают неплохими, они бывают или плохими, или хорошими.

– Ерунда.

– Ну хорошо, ты же читала других поэтов, другие стихи ты же читала?

– Ну да.

– Какие? – допытывался Афанасий Петрович.

– Ну, «Василия Теркина».

– И как? – теряя терпение, подчеркнуто вежливо спросил Афанасий Петрович.

– Хорошо. Прямо вот до самого нутра пробрало, – погладила себя по завявшей груди Анфиса.

– А еще что читала?

– Маяковского читала, сильно писал, вот прямо как рубанет, так вот... ну, все сразу ясно! Мощный был мужчина и видный такой! А вот еще Есенина читала, Петя давал. Вот человек, читаешь стихи, а словно песню слушаешь, я его иногда пою: «не жалею, не зову-у, не плачу»...

– Анфиса!

– Уж и напеть нельзя.

– Значит, у Маяковского и Есенина стихи хорошие, даже, судя по этому вою, замечательные, а у меня неплохие. Жалкий итог жизни. – На удивление Афанасий Петрович не стал ругаться, скандалить, а только как-то весь поник, его рыхлое розовое лицо приобрело желтоватый оттенок, морщины стали глубже, а взгляд тоскливым, как у побитой собаки. – Достань-ка водочки и две рюмки, выпьем.

– Еще чего!

– Достань, говорю.

Анфиса неодобрительно покачала головой, но водку достала, по рюмкам разлила.

– Выпьем, Анфиса, не чокаясь, за мою бездарно прожитую жизнь! – Он залпом опрокинул рюмку и, поморщившись, продолжил: – Неплохие стихи! Это у меня после всего неплохие стихи! Господи, на что я потратил жизнь? А ведь был и у меня наверняка какой-то талант,

может, я бы врачом мог стать или профессором философии, а может, полководцем или столяром? Делал бы замечательную мебель, не «неплохую», а замечательную, шифоньеры там или кресла. А что вышло? Пузырь мыльный! Дурак я, глупый, жадный дурак!

Анфиса неодобрительно посмотрела на него и молча убрала водку в буфет. Не хватало, чтобы еще напился и буянить начал, с него станется. Смела крошки со стола, прихватила рюмки и тарелки и, бормоча что-то про Ниночку, ушла на кухню, оставив Афанасия Петровича стенать и охать в одиночестве.

Зинаида вернулась поздно, и Анфиса, караулившая ее у окна столовой, стоя за занавеской, видела, как вышла та из машины и вышел вместе с нею какой-то кавалер авантажный, сперва ручку поцеловал, а потом и вовсе сгреб в охапку, а Зинка только смеялась да повизгивала. В форточку слышно было. Вот бесстыжая!

Афанасию Петровичу Анфиса ничего не сказала, да супруги и без того поругались.

Афанасий Петрович кричал, что не потерпит такого отношения, требовал ответить, где жена до ночи болталась, та лила крокодиловы слезы и клялась, что была у подружки. Афанасий Петрович не верил. Орали до тех пор, пока соседи в стенку стучать не начали.

Вот тогда Афанасий Петрович, выдохнув, без сил упал на кровать и пригрозил подать на развод, а Зинку выгнать из дому в чем мать родила.

Ночью они, конечно, помирились.

– Анфиса Тихоновна! Анфиса Тихоновна! Беда-то какая! Афанасия Петровича убили! – бросилась к Анфисе соседка, едва она вошла во двор.

– Что еще за ерунда? – отмахнулась Анфиса, бестактно отпихнув глупую бабу тяжелой сеткой.

– Да не ерунда! Не ерунда! Милиция у вас сейчас, а тело еще не выносили! А сейчас, наверное, Зинаиду вашу Дмитриевну выводить будут.

– Зинаиду? А ее куда? – Поняв, что соседка не шутит, Анфиса уронила сетки и теперь с ужасом смотрела на красную от возбуждения Анну Сергеевну, мать прозаика Волохницкого.

– Как куда? В тюрьму, это же она его!

– Господи, что за чушь?! Не могла она... Да я утром на рынок шла, все тихо было... – растерянно бормотала Анфиса.

– Да ты беги скорее домой, пока милиция не ушла! А то ведь уйдут и квартиру опечатают, и куда ты?

На лестнице толпились зеваки, в дверях стоял рослый милиционер, Анфиса с трудом протолкалась к своей квартире.

– Вы куда, гражданочка? – преградил ей дорогу милиционер, здоровенный, а на лицо мальчишка совсем.

– Живу я тут, Зыкова Анфиса Тихоновна. На рынок ходила, – коротко, почти по-военному отрапортовала Анфиса Тихоновна.

– Синицын, тут домработница пришла, прими! – крикнул куда-то в глубь квартиры рослый милиционер, подталкивая через порог Анфису.

– Фамилия, имя, отчество, где проживаете? – сурово приступил к допросу кряжистый, похожий на старого бобра милиционер с маленькими вьедливыми глазками.

– Зыкова Анфиса Тихоновна, одна тысяча девятьсот второго года рождения. Проживаю здесь же, в этой квартире, только не домработница я, а двоюродная сестра Афанасия Петровича, просто по хозяйству помогаю, – сложив руки на коленях и выпрямив спину, чинно отвечала Анфиса, стараясь скрыть зябкий испуг и волнение. Зинаиду она еще не видела, а была сразу препровождена на кухню.

– Вам это знакомо? – Милиционер выложил на стол перед Анфисой большой нож с широким лезвием.

- Да откуда же у нас такое? С ним же на медведя ходить.
- Откуда вы взяли, что на медведя? – недобро сверкнул малюсенькими глазками милиционер.
- Ну как, я же в глухой деревне росла, леса кругом, так у нас мужики завсегда такой в лес брали, таким и медведя убить можно, если что, – осторожно пожала плечами Анфиса.
- А у вас, значит, такого не было?
- Нет.
- Во сколько вы ушли сегодня из дома?
- В начале восьмого. Мне сегодня на рынок надо было, потом еще в аптеку зашла, вот только вернулась.
- Хозяева ваши уже встали к тому времени?
- Нет, что вы. Афанасий Петрович по средам поздно вставал, у него сегодня заседание в Союзе писателей, так он в эти дни дома с утра работал. А Зинаида Дмитриевна всегда встает не раньше восьми, а то и в девять.
- Значит, когда вы уходили, супруги Зыковы еще спали?
- Ну да.
- Так. Тогда расскажите, за что Зинаида Зыкова убила своего мужа?
- Да не могла она этого сделать, – честно ответила Анфиса. При всей своей нелюбви к Зинке не могла она человека оболгать.
- Не могла, но сделала? – усмехнулся невесело милиционер.
- И не делала.
- А вот соседи утверждают, что сегодня утром Зинаида Зыкова полуодетая выскочила на лестничную клетку с криками «Убили! Убили!», и когда соседи сбежались на ее крики, в квартире посторонних не было, что подтверждает и сама Зыкова, а в кровати лежал Зыков Афанасий Петрович с ножом в груди.
- Батюшки! – воскликнула Анфиса, хватаясь одной рукой за сердце, а другой прикрывая рот. – С ножом в груди? Нет, – покачала она головой. – Зинаида такое точно не могла.
- А вот по словам соседей, супруги жили плохо, все время ругались, скандалили, а некоторые даже считают, что Зыкова мужу изменяла.
- Эх, батюшка, да где же вы видели, чтоб бабы, что мужьям рога наставляют, их бы резали? – Она махнула рукой. – Тут уж скорее муж за женой с ножом гоняться должен. А Афанасий Петрович был не из таких. Он у нас только на словах герой.
- А вот тут бывает по-разному, – не согласился с ней милиционер. – Так, значит, с тем, что Зыковы жили плохо, вы согласны?
- Ну, ругались, было дело. А потом мирились, да еще как! А потом... вон взять хоть поэта Колотушина из двадцать первой квартиры, слышали бы вы, как он по пьяни жену свою гоняет с ребятишками! По-трезвому, милейший человек, мухи не обидит, ходит всем кланяется, ножкой шаркает, а как напьется, только держись. У участкового спросите. Диву даюсь, как они еще друг друга не поубивали. А у нас? Ну, поорет Афанасий Петрович на жену, обзовет ее куртизанкой или еще кем, так же интеллигентно, ну, даст пощечину, ну, она ему разок по физиономии съездит, поревет для виду, а потом уж, глядишь, дверь в спальню закрыта, пыхтят за дверью. Все, скандал закончен.
- А кто же тогда Зыкова убил, если посторонних в квартире не было?
- Вот уж этого я не знаю. А может, был кто? Может, в шкафу прятался? Или на кухне? У нас ведь черный ход есть.
- Может, да только его мы сразу проверили, и он был изнутри закрыт на здоровенный такой крюк.
- Ну, я уж и не знаю.

Когда Зинаиду выводили из квартиры, Анфиса даже прослезилась. От молодой цветущей женщины, обычно аккуратно причесанной, нарядной, кокетливой, не осталось и следа. Простое коричневое платье, вязаная кофта, Анфиса таких у Зинаиды и не видала, волосы, кое-как собранные гребенкой, и глаза, как у затравленного зверька, глубокие, испуганные. Беда.

Вот ведь жизнь какие кренделя закладывает! Вчера еще пела, хохотала, шляпки примеряла. А сегодня? В тюрьму!

«Вот уж, не приведи, Господи», – тихонько перекрестилась Анфиса.

Глава 2

19 апреля 1958 г. Ленинград

Анфиса, нарядная, в белой блузке с кружевным воротничком, с любимой эмалевой брошью, подаренной Афанасием Петровичем на ее пятидесятый юбилей, сидела в столовой во главе пустого стола, на хозяйском месте, и пила чай с эклерами, любимыми пирожными Афанасия Петровича. Что ей взбрело в голову, она и сама не знала.

Утром, когда милиция наконец покинула их квартиру, Анфиса, преодолевая несвойственное ей отвращение и робость, прошла в спальню. Во время войны она видела много крови, смертей и страданий, но тут было что-то другое, особенно ужасное, может, потому, что произошло в мирное время, когда казалось, что все самое страшное уже навсегда закончилось, а может, потому, что случилось это с близким человеком? Может. А может, еще почему, но Анфиса долго стояла в дверях, глядя на окровавленную простыню, на сбитое к ногам одеяло, на измятые подушки. Потом незаметно в голову стали приходить простые, понятные хозяйственные мысли, и она ожила.

Матрас придется выбросить, простыню, наверное, тоже. Белье надо прямо сейчас замочить и выстирать. И комнату проветрить. В спальне стоял резкий чужой запах, и Анфиса первым делом распахнула окна. Потом сняла постельное белье, свернула матрас, намыла полы во всей квартире, выстирала белье, занавески, вытерла пыль, а вечером позвонила Петеньке, рассказала о смерти отца. Обещал завтра приехать.

И только переделав все дела, Анфиса задумалась о том, что впервые в жизни осталась полноправной хозяйкой дома. Одна в квартире, никого не надо ждать, обслуживать, угождать. Одна не на неделю, не на месяц, а вообще.

Анфиса сидела в своей комнатке за кухней и пыталась понять, как ей теперь жить, что делать, как быть дальше. А потом вдруг нарядилась, взяла чашку из парадного сервиза, достала купленные сегодня утром пирожные и устроила себе торжественное чаепитие.

Вот до чего же странно все случилось, прихлебывая чай из блюдечка, думала Анфиса, только вчера они с Афанасием сидели за этим самым столом, ужинали, разговаривали, первый раз в жизни, как родные люди. Он еще вдруг о смерти заговорил, о даме в черном... Она тогда посмеялась, а он и правда смерть чуял, горемычный, про стихи спрашивал, а она тоже глупая баба, нет, чтоб похвалить.

– Прости, Афанасий Петрович, глупую дуру. Прости, – обратилась она к висящему над диваном портрету покойного.

Этот портрет года три назад написал с Афанасия Петровича его приятель, художник Тунцов. Портрет Анфисе не слишком нравился. Уж больно на нем Афанасий выглядел красиво. И осанка, и взгляд орлиный, в жизни-то он порыхлее был, попроще. Не было в нем никакого величия, спортом он отродясь не занимался, сидел в кабинете за столом. Горб на загривке нарастил, живот с годами появился, осанка вялая, плечи покатые, за что его только Ниночка полюбила? Говорила, за талант и за душу. Ну да, ей виднее. Да.

А умер Афанасий Петрович страшно. Ножом в сердце, да еще таким, и глаза у него открыты были, и лицо испуганное. Анфиса ухитрилась взглянуть, когда тело выносили, простынка съехала, она и увидела.

А вот что ни говори, а не могла Зинаида такое сотворить. Нет, не могла. Вот, может, полюбовник ее? Да только почему вдруг утром? Да при Зинаиде, и на нее все свалил? Странно. Если бы они втроем ругались и в драке убил, еще понятно. А так? Ерунда какая-то. Да и Зинаида, эта уж скорее бы отравила, да и то вряд ли, вот до сердечного приступа довести – это вернее. Да и нужен ей был Афанасий, кто же ее будет содержать, тряпки-шляпки оплачивать?

Где же она такого другого дурака найдет, кто бы ее выходки терпел? Да и вообще, она же не дуручка, за убийство расстрел положен.

Нет, что-то здесь не так! Ой не так!

Анфиса взглянула на часы, еще только восемь пробило, не поздно. Она накинула на плечи черную шелковую шаль с кистями и, прихватив ключ, пошла к соседке.

– Ой, Анфиса Тихоновна, случилось что? – переполошилась соседка Анна Сергеевна, едва открыв дверь.

– Да что еще у нас может теперь случиться? – отмахнулась Анфиса. – Ты вот что... твои-то дома?

– Да нет. Олечка в командировке, еще в понедельник уехал на Магнитку, на месяц, будет очерк писать про комбинат. А Варя сегодня в ночь, мы вот с Павликом вдвоем. Да ты проходи, тоскливо небось дома-то одной да страшно! Афанасия-то Петровича в собственной постели зарезали, тут кто хочешь испугается. Пройди, – суежилась соседка, втягивая Анфису в квартиру. – Сейчас мы с тобой чайку попьем.

– Анна Сергеевна, ты мне расскажи, что тут хоть было, пока я с рынка не пришла? Мне же милиция ничего не рассказала, и Зинаиду я видела, только когда ее выводили, словом не дали перемолвиться, – спросила Анфиса, дождавшись, пока соседка накроет на стол и усядется чай пить.

– Ой, а ведь и правда. Сейчас, погоди. – Анна Сергеевна, полная, добродушная, с пучком седых волос на макушке и уютными лучистыми морщинками вокруг глаз, больше всего на свете любила сплетни, ну, после внука, конечно. И сейчас, прикрыв дверь в комнату Павлика, сладко вздохнув, приступила к рассказу:

– Утром я Павлика в школу провожала, без четверти девять как раз было, я с ним обычно до угла нашего переулочка дохожу, а дальше уж он сам. Вот я Павлика проводила, иду домой, без четверти, значит, еще подняться на этаж не успела, распаивается ваша дверь, и Зинаида Дмитриевна на лестницу выскакивает в чем мать родила, прости господи! Лохматая, в халатике нараспашку, а под халатиком, считай, и нет ничего!

Я сперва, грешным делом, подумала, уж не напилась ли? А она меня увидела, бросилась как безумная, глаза вот такие! «Убили! – кричит. – Убили!» – «Кого?» – говорю, а сама думаю, может, не пьяная, а с ума сошла? А она все кричит и меня за собой в квартиру тащит. Ну, я пошла, дошли мы до спальни, а там! Батюшки! Прямо на кровати лежит Афанасий Петрович, царствие ему небесное, а из груди нож торчит, как в кино или в романе каком. Тут уж и я заголосила! На наши крики прибежал Иван Константинович из восемнадцатой. Он с портфелем и в плаще был, на службу, видно, шел. Вот он милицию и вызвал, а Зинаиде воды дал, а меня из квартиры вытурил, Зинаиде велел накинуть что-нибудь, а сам все расспрашивал, как, мол, все было. Он меня хоть и вытурил, да я далеко не ушла, в прихожей возле вешалки встала и все слышала, – возбужденно рассказывала Анна Сергеевна, наклонившись над столом и неотрывно заглядывая в глаза Анфисе. – Зинаида Дмитриевна сказала, что она встала раньше мужа и пошла в ванную, у нее сегодня репетиция в театре, надо было себя в порядок привести, а Афанасий Петрович еще в кровати лежал, вот. Она душ приняла, выходит из ванной в одном халатике, входит в спальню, а там... – Что «там», Анна Сергеевна не договорила, а только молча выразительно таращила глаза.

– Так, а может, пока она в ванной была, кто-то в квартиру вошел, да и того? – предположила Анфиса.

– Ну да. Мы тоже так подумали. А потом я вспомнила, что когда мы с Павликом в половине девятого из дома выходили, то никаких посторонних в парадной или во дворе не видели, и когда я домой шла, тоже, – многозначительно сообщила Анна Сергеевна. – Я и милиции потом рассказала, и кого из соседей утром на лестнице встретила, тоже всех перечислила.

– Ну, так ты же на лестнице не караулила, мог и мимо тебя прошмыгнуть. Ты из двора вышла, а он туда вошел.

Анна Сергеевна молча с выражением крайнего недовольства на лице пожала плечами, а потом буркнула:

– И вошел, и вышел, да еще и убить успел?

Анфиса посидела, молча двигая челюстями, пока ей в голову не пришла одна идея. Но делиться ею с Анной Сергеевной она не стала, а вежливо попрощалась и отбыла к себе.

– А что там у нас с убийством в «писательском недоскребе» на канале Грибоедова? Разобрались? – перекладывая бумажки на столе, поинтересовался полковник Курочкин.

– Да вроде все ясно, да только вот... – замялся похожий на старого бобра майор Долгушин.

– Что «только»? Ты же докладывал, что там все ясно, жена убила мужа...

– Да вроде так оно и есть, а только...

– Что «только»? Ну выкладывай, коли начал! – хмуро разрешил полковник.

– Да в общем, вроде все ясно. Супруги были дома одни, следов присутствия посторонних не обнаружено, соседи ни на лестнице, ни в квартире чужих не видели, жили супруги Зыковы плохо...

– Ну и что у тебя здесь не сходится?

– Да вот как-то глупо все, бессмысленно, – потирая покатым лоб, пожаловался майор. – Зыкова женщина интересная, избалованная, привыкла к красивой жизни, за счет, разумеется, мужа. А нет мужа, нет и денег. В чем смысл убийства?

– А может, у нее любовник, может, у нее страсть? – пожал плечами полковник.

– Ну, так иди да разведись.

– А может, муж не соглашался?

– Соглашался. Даже грозил ей разводом. Это мне и соседи рассказали, у них там слышимость между квартирами, и родственница убитого Зыкова, проживавшая с Зыковыми в одной квартире навроде домработницы.

– Тогда она, наоборот, не хотела разводиться, – пожал плечами полковник.

– Зыков грозил, но разводиться не собирался, жена им вертела как хотела, – пояснил майор.

– Ну, может, она его просто ненавидела! Взяла да и убила в припадке. Больше-то некому?

– В том-то и дело. А только не выглядит она такой кровожадной дурой, чтобы убить мужа в припадке, потом самой же побежать, позвать соседей и, можно сказать, добровольно сдать в руки правосудия. Что, она не понимала, что ей за это будет? Могла бы и похитрее все обставить. Убить мужа, потом потихоньку уйти на работу, а дверь в квартиру оставить открытой, да еще какое-нибудь барахло прихватить. Вот тебе, пожалуйста, убит при ограблении. Докажи иное.

– Да-а. Так оно, конечно, логичнее, – задумчиво протянул полковник. – Ну а если она просто спятила?

– Могла, конечно, но тогда почему на рукоятке ножа нет отпечатков пальцев? Отпечатки стерла, а до остального не додумалась?

– Значит, дело по горячим следам закрыть не получится? – разочарованно уточнил полковник.

– Нет.

Утром Анфиса встала рано и первым делом принялась за стряпню. Правил тюремных она не знала, но на всякий случай решила нажарить Зинаиде котлет, наварила картошечки, яичек и поставила тесто на пироги. Потом собрала ей две смены белья попроще, у Зинаиды-то все больше шелковое с кружавчиками, куда такое в тюрьму? Отберут еще. Мыло, зубной поро-

шок, щетку, расческу, чулки свои новые нитяные положила, носки шерстяные и платок. Хватит пока.

Пока пироги стыли на столе, прикрытые чистым полотенцем, переобулась, накинула теплую кофту и вышла во двор.

Соседи проходили мимо, раскланивались, некоторые выражали сочувствие, некоторые, наоборот, старались прошмыгнуть побыстрее. Анна Сергеевна с внуком Павликом вышла из парадной ровно в половине девятого. Анфиса все запоминала и даже делала незаметно пометочки, без десяти девять из парадной неторопливо вышел сосед из восемнадцатой квартиры Иван Константинович.

– Здравствуйте, Анфиса Тихоновна, – поздоровался он солидно, приподнимая шляпу. – Ожидаете кого-то?

– Да вот телеграмму жду, с почты обещали принести, – не моргнув глазом соврала Анфиса. Ишь, какой любопытный!

В девять часов Анфиса покинула свой пост и вернулась домой. Народу мимо нее прошло много, то и дело хлопали двери подъездов, и во двор выходили жильцы. Детишки выскакивали во двор по одному и стайками, размахивая портфелями, малышей вели в детский сад, домохозяйки спешили на рынок, служащие на работу, поэт Колотушин, бледный и небритый, на поиски опохмелки. Изольда Кузьминична из пятой вела на прогулку своего Фуфика, а критикесса Сырникова, масштабная дама с низким грудным голосом и ярко накрашенными губами, несла под мышкой маленькую лохматую, похожую на обувную щетку Тяпку, обладательницу мерзкого визгливого лая и пакостливого характера.

В общем, народу через двор прошла прорва. Кто-нибудь из них непременно должен был бы заметить постороннего, если не в подъезде, то во дворе непременно.

А может, и видел кто? Вчера милиция не смогла опросить всех жильцов дома, может, сегодня найдется свидетель, а если нет, так надо их надоумить среди жильцов убийцу поискать.

Додумавшись до такой умной мысли, Анфиса почувствовала себя гениальным сыщиком. Этим, как его?... Петенька любил читать... Ах да, Шерлоком Холмсом.

Петенька эту книжку обожал, то и дело пересказывал Анфисе рассказы о том, как ловко этот сыщик распутывал всякие запутанные истории. Анфиса даже удивилась, когда он в кораблестроительный решил поступать, думала, в сыщики пойдет. Наверное, перерос это увлечение, но, когда из дома уходил, книжку с собой взял.

– Здравствуйте, я Зыкова, вы вчера меня допрашивали, – несмело входя в кабинет, с порога принялась объяснять Анфиса Тихоновна.

– Помню, помню, – на удивление приветливо проговорил вчерашний милиционер, а может, и следователь, Анфиса не разбиралась, в общем, тот, который показался ей похожим на бобра. – Да вы проходите, садитесь.

Кабинет у следователя был большой, но неприветливый, стены противного сине-зеленого цвета, казенная мебель и запах какой-то специфический, запах несчастья. Таким похоронки пахли, размышляла Анфиса, стараясь бесшумно ступать по потемневшему от времени неухоженному паркету.

– Ну, рассказывайте, что вас привело? – стараясь изобразить на лице приятную мягкость, предложил майор.

– А я, товарищ майор, вот...

– Михаил Николаевич, – перебил ее майор.

– Гм... Михаил Николаевич, – послушно повторила Анфиса, пристраивая на коленях сетку с передачей. – Я вот, значит, зачем. Я вот подумала, то есть хотела вот рассказать... спросить то есть... – Мысли в Анфисиной голове предательски разбегались от страха, утром дома и всю дорогу она придумывала, как бы поскладнее и подходчивее объяснить в розыске

все обстоятельства по поводу соседей и Зинаиды, и все у нее выходило гладко и правильно, а сейчас все, что она дорогой придумала, куда-то из головы вылетело.

– Да вы не волнуйтесь, вот водички выпейте, – глядя на запинаящуюся гражданку, предложил майор, придвигая к ней графин с пугающе мутным стаканом. – И не спеша все объясните.

Водичка помогла. Анфиса собралась с мыслями и наконец заговорила.

– Я с главного, – выдохнула она. – Не виновата Зинаида! Не виновата!

– А кто ж тогда? – изобразил на лице безграничное простодушие майор.

– А вот этого я не знаю. Это вы выясняйте. А только в доме у нас жильцов много, и кто его знает, кто что видел и почему промолчал, – многозначительно заметила Анфиса. – А еще народец у нас хоть и культурный, а только тоже люди, и если уж на то пошло, так у некоторых из соседей побольше поводов для убийства, чем у Зинаиды. Она-то без Афанасия голой сиротой останется. Какая у нее зарплата в театре? Копейки, а жить она привыкла на широкую ногу, да и лестно женой писателя известного быть.

– Вот вы говорите – соседи, а у кого из них повод был убить Афанасия Петровича? Неужто у него такие страшные враги были?

– Ой, а то вы не знаете, что убить и за коробок спичек могут? – окончательно освоившись, отмахнулась Анфиса Тихоновна. – А тут искусство! Зависть, ревность, обиды, да мало ли! Вот, к примеру, Афанасий Петрович во многих комиссиях заседал, там и путевки давали, и публикации обсуждали, и кого куда послать, и кому чего дать. А сколько у них в Союзе интриг? Это ж чисто как пауки в банке! Это они только так при встрече ножкой шаркают, доброго вам здоровья да какая у вас новая книга чудесная, а отвернешься, и тут же обхают. Дескать, бездарь и графоман. Уж этого я сколько хочешь наслушалась! А ведь у литераторов еще и жены имеются, а это такие гангрены, не приведи господи!

– Так, и где же мне узнать, кто был особенно зол на покойного?

– А вот у нас в парадной живет Ираида Викторовна, она секретарем в Союзе работает, так она все про всех знает. Уж такой это человек. Вы к ней обратитесь, – посоветовала Анфиса Тихоновна. – А про то, кто в дом входил вчера и особо выходил, вы все же построже жильцов опросите. А мне бы вот Зинаиде посылочку передать, тут белье и поесть кое-что, разрешите, а?

Глава 3

Апрель 1958 г. Ленинград

– Горе! Горе-то какое! Доченька! – уткнувшись в искореженные артритом ладони, плакала Мария Даниловна. – Как же так? За что? Да не могла она! Господи, как же нам теперь жить? Помрем же без Зины, помрем с голоду.

Анфиса Тихоновна с сочувствием поглядывала на женщину, а сама с любопытством осматривала комнату. У Зинаидиных родных она была впервые.

Жили Туровы бедно. Ни слоников, ни кружевных салфеточек, чашки все вон с отбитыми краями, а на железной кровати сидели две девочки-подростки и мальчик лет восьми. Все худенькие, кареглазые, как Зинаида, с тревожными испуганными лицами. О них Анфиса раньше слыхала. Да только видела впервые, на свадьбе у Зинаиды только мать была, да и в гости к ним никто из Зинкиных родных не ходил.

Анфиса всегда думала, что Зинаида их не любит и стыдится и с семьей знаться не желает. Но, видно, ошибалась.

– Я инвалид, трое детей на шее, как жить? Как жить?

– Mamочка, не плачь! – кинулась к ней со слезами старшая девочка. – С Зиной все хорошо будет, и я работать пойду, полы буду в школе мыть или еще где-нибудь.

– Mamочка, я тоже. Тоже буду помогать!

– И я! – бросился вслед за сестрами к матери мальчик.

– Mamочка, мы не пропадем! Главное, чтобы с Зиной все хорошо было, – обнимая мать за плечи, приговаривала старшая девочка.

– Это все из-за нас. Все я виновата, – отрывая ладони от лица, проговорила Мария Даниловна. – Я еще с войны инвалидность имею, но муж с фронта пришел хоть и раненый, а все ж живой, – глядя на висящую на стене фотографию усатого мужчины, обрамленную в простую деревянную рамку, рассказывала женщина. – На завод пошел работать, зажили как люди, Оленька с Галинкой родились, а потом и Витенька. Тяжело жили, как все. Но справлялись. А потом мужа машина задавила насмерть! Осиротели мы, – целуя макушку сына, рассказывала, всхлипывая, Мария Даниловна. – Я с каждым годом все хуже себя чувствовала, работать почти не могла, все Зиной на себе тянула, как старшая, все хозяйство на себя взяла. И школу окончила хорошо, и в институт поступила, золотая девочка. А тут у нее любовь случилась, с соседом нашим Сашей Хлебниковым, он в соседнем подъезде живет. Со школы еще дружили, а тут любовь. Он-то в военное училище пошел, подводником стать хотел. Все у них хорошо было, только он старше Зиной был. Она еще на втором курсе училась да подрабатывала, чтобы нам помогать, а он уже оканчивал учебу. Стал говорить, что им расписаться надо, чтобы она с ним к месту назначения поехала, а она нас бросить не может. Ты, говорит, подожди немного, я институт окончу, Оля с Галей подрастут, матери помогать будут, вот тогда и поженимся. А он так рассердился, или сейчас, говорит, или никогда. Поссорились, в общем. А я ее уж и упрашивала. Брось ты нас, устраивай свою жизнь, а Зина ни в какую, если любит – дождется. А он взял да и на другой женился, вот подлец какой! И с ней на Север укатил.

– От подлеца! – от души поддержала Анфиса. А у Зинки-то тоже жизнь, оказывается, не сахар.

– Зиной, конечно, пережила. Только вот больше не влюблялась ни в кого. Стали у нее кавалеры богатые появляться, даже на машинах приезжали, она же у меня красавица. Платья ей стали дарить, духи и прочее. Мне это все страшно не нравилось, а только кто меня слушать будет? А потом она и вовсе за Афанасия Петровича замуж собралась. Я, как узнала, всю ночь проплакала. Зачем, говорю, ты жизнь свою губишь? Ты же его не любишь совсем, он же старый, противный, не ходи, дочка. А она мне и говорит: «Любовь – это подлость, и больше ничего,

а за Афанасием я всегда сытой буду, да и вы тоже». Уж как я на свадьбе плакала... – Мария Даниловна высморкалась в старенький фартук и тихо плаксиво продолжила: – Когда Зиночка замуж вышла, чуть не каждый день к нам прибегала, плохо ей, видно, было дома. Уроки с Витенькой делала, ужинала с нами. Денег, правда, давала много, я даже отложила чуть-чуть. Да разве деньгами счастье заменишь?

От Туровых Анфиса уходила в глубокой задумчивости. Вот, оказывается, какой Зинаида была, а она ее стервой капризной считала. Жалко девку.

Хоть бы милиция настоящего убийцу нашла.

– Здравствуйте, вы будете Ираида Викторовна? – заходя в небольшой, пропахший табаком, заставленный полными бумаг шкафами и креслами кабинет, спросил майор Долгушин.

– А что вам, товарищ? – деловито поинтересовалась, отрываясь от бумаг, средних лет женщина с мужскими чертами лица, в строгом синем костюме и с большой красивой брошкой у воротника.

– Майор Долгушин, Ленинградский уголовный розыск, – отрывисто представился майор, проходя в кабинет, не дожидаясь приглашения.

– Слушаю, – чуть робея, сказала Ираида Викторовна.

– Я расследую убийство Афанасия Зыкова. Что вы можете сообщить в этой связи? – строго глядя на секретаря Союза писателей, спросил майор.

– А что я могу знать? Его же жена зарезала, а я о личной жизни наших членов ничего не знаю, – категорически заявила Ираида Викторовна.

– Во-первых, обстоятельства убийства все еще расследуются и Зинаида Зыкова задержана только по подозрению. А во-вторых, с кем из коллег у покойного были плохие отношения? Возможно, он был с кем-то в ссоре, может, кого-то обидел? Припомните, пожалуйста, этим вы окажете неоценимую услугу следствию.

– Понимаю, – недобрым огоньком сверкнули глаза секретаря. – Ну что ж. Недоброжелатели у Зыкова, конечно, были, у успешных людей всегда они есть, а Афанасий Петрович, как бы это сказать? В общем, есть у нас писатели и талантливее, и умнее, но вот такого успеха, как Зыков, добиться не могут, а он у нас и во всех комиссиях заседает, и на собраниях в президиуме, и тиражи у него, и награды, и переиздания произведений, и критики к нему не сильно придираются. В общем, баловень судьбы. Хотя человек, конечно, трудолюбивый, настойчивый, политически активный, и все мы его любили и уважали, но вот только как творческая единица... Умрет он, и никто уже имени его не вспомнит, – закуривая папиросу, откровенно призналась Ираида Викторовна.

– Значит, недоброжелатели у него были? А можно поточнее?

– Можно, конечно. Пишите. Год назад был неприятный случай. У нас в Союзе появился очень талантливый молодой человек, о нем много говорили, от него много ждали. Зыков взял его под свое крыло. Спустя какое-то время у Афанасия Петровича вышел новый сборник, в числе прочих произведений в нем была весьма талантливо написанная поэма, что-то очень лирическое и в то же время индустриальное, – откинувшись на спинку стула, рассказывала Ираида Викторовна, пуская в потолок густые вонючие клубы дыма.

Сам майор не так давно по настоянию врачей бросил курить, мучительно боролся с многолетней привычкой и тяжело переносил табачный дым, но приходилось терпеть.

– Я бы сказала, что эта поэма была вершиной его творчества. Его хвалили, им восхищались, но тут явился тот самый талантливый молодой человек и публично обвинил Зыкова в плагиате. Причем не только устно, но и письменно. Собралась комиссия, произведение изучали, опрашивали обоих авторов, писательское сообщество бурно обсуждало происходящее, шепотом признавая возможность плагиата, вслух же категорически отметая такие предположения. Короче, комиссия единогласно признала авторство за Афанасием Петровичем, а моло-

дого человека изгнали навеки из Союза. Что характерно, после вынесения окончательного вердикта Зыков заступался за молодого человека, призывал быть к нему снисходительнее, чем вызвал всеобщее восхищение. Такое великодушие, такое благородство. Естественно, на решение комиссии его призывы никак не повлияли, молодого человека исключили с позором.

– Интересно. И где он теперь?

– Представления не имею. Говорят, он уехал из Ленинграда.

– А как его звали, вы помните?

– У него было такое простое имя... Сейчас, минуточку... Ах да. Воробьев. Александр Воробьев. И кстати говоря, но это строго между нами, я полагаю, что Зыков вполне мог украсть у молодого человека его творение, уж больно талантливо было написано.

– Да, некрасивая история. Как вы думаете, можно как-то разыскать адрес этого Воробьева?

– Думаю, да.

– Хорошо. Ну а кто еще недолюбливал покойного?

– О, недолюбливали многие, но вот из серьезного... Вот! Ходят настойчивые слухи, что в ближайшее время нынешний председатель Ленинградского Союза писателей будет отправлен на заслуженный отдых, и уже сейчас за его место идет нешуточная борьба. Одним из претендентов был как раз Афанасий Петрович, он член партии, у него множество наград, званий, изданий и прочего, основным его конкурентом на должность числится некий Василий Ильич Томилин. Возможно, вы его читали? Нет? Но, в общем, оба они находятся в одной весовой категории, с той лишь разницей, что Томилин прозаик. Но у Зыкова много военной лирики. В общем, закулисная борьба между ними велась нешуточная, у каждого была своя команда сторонников.

– И вы считаете, что Томилин мог убить конкурента? – недоверчиво спросил майор.

– Вспомните Моцарта и Сальери, – многозначительно заметила Ираида Викторовна. – А тут почет, деньги, звания, власть. К тому же не так давно у них вышла серьезная ссора. Они столкнулись в буфете и едва не дошло до рукопашной.

– Ничего себе.

– Ну а если из области быта, то вот вам другой кандидат! – оживилась Ираида Викторовна. – Есть у нас такой писатель Семен Морозов. Некоторое время назад он легкомысленно и довольно нелестно высказался о новой книге Зыкова и вообще о его творчестве. Не на собрании и не на торжественном заседании, а так, в кулуарах. Но многие слышали и, очевидно, донесли. А вскоре этот самый Морозов женился и пришел в Союз просить улучшить его жилищные условия, предоставив ему с молодой женой отдельную комнату. Он проживал в коммунальной квартире с родителями, жена вообще площади не имела. На его несчастье, жилищную комиссию возглавлял, как вы думаете, кто?

– Зыков?

– Именно. Разумеется, заявление Морозова было отклонено, так как нашлись более достойные кандидаты, нуждавшиеся в улучшении. Сейчас бедняга живет с женой, маленьким ребенком и родителями в крошечной комнатухе, обстановка у них в семье нездоровая, насколько мне известно, он стал выпивать, а когда выпьет, винит в своих бедах покойного. Вот так. Были и более мелкие случаи недоброжелательства. Филькина недавно не пустили в творческую командировку в Гагры. Рогозину сократили тираж новой книги. Пудова выкинули из плана на первое полугодие. Сыромятниковой вынесли выговор за аморалку. А Гаврилова вместо Риги отправили в Среднюю Азию в какой-то аул писать о хлопководках.

Интересно живут писатели, думал майор, шагая по набережной. Средняя Азия, Гагры, Сибирь, сколько путешествий. А он, кроме Ленинграда и ближайших пригородов, и не видел ничего. На фронте не был, не пустили, всю блокаду в Ленинграде прослужил, тоже, конечно, не сахар, и награды имеет, а все-таки не довелось ему фрицев в прямом бою побить. Не довелось.

Из перечисленных Ираидой Викторовной недоброжелателей покойного Зыкова в одном доме с ним проживали прозаик Томилин и детская писательница Сыромятникова, обвиненная в аморалке.

«Эх, жаль, я не поинтересовался, что же именно учудила детская писательница, а было бы любопытно», – крикнул, усмехаясь, майор и направился вдоль Невы к Марсову полю.

– По поводу Зыкова? Конечно, конечно, проходите, – радушно раскидывая руки, добродушно гудел прозаик Томилин. – Прошу, проходите, сюда, пожалуйста. Какой был человек! Талант, титан, можно сказать, величина! Мы же с ним старые товарищи, – усаживаясь за рабочий стол, качал прочувствованно головой Василий Ильич. – Да, столько лет, такая дружба... Знаете, такие люди, как Зыков, нынче редкость, уходящая натура, так сказать. Искренний, честный, горячий борец за коммунистические идеи, принципиальный. Бескорыстный. Надежный товарищ, с таким хоть в разведку, хоть на плаху, ничего не страшно! Да. Я вот некролог пишу по поручению Союза для литературной газеты. Поверите? Не могу писать, жену попросил помочь. Строчек от слез не вижу. – И он промокнул влажные большие глаза, до краев наполненные печалью и скорбью.

Майор, глядя на прозаика, с трудом верил в услышанную от секретаря историю о давней вражде и соперничестве, а потому стоило уточнить:

– А я вот слышал, что вы с покойным не были такими уж друзьями, а скорее даже наоборот. Что между вами шла борьба за место председателя Союза, что вы в методах не гнушались?

– Чушь! Чушь и сплетни! – решительно рубанул рукой Василий Ильич. – Выдумки мелких людишек. Ни я, ни Афанасий Петрович никогда не гнались за чинами. Да, ходили слухи, что рассматриваются наши кандидатуры, но, уверяю вас, в нашем возрасте все эти «желаю славы я» уже в прошлом. Мы оба добились в этой жизни многого, и признаться откровенно, гораздо ценнее всех этих регалий и должностей возможность творить, работать, а не заседать в президиумах. И Афанасий Петрович, уверяю вас, думал так же. Сколько нам осталось? Вот Афанасий сгорел в одночасье, а ведь мог еще жить, творить, сколько хорошего, умного, доброго и полезного мог написать, а теперь? Могильная плита, и тишина, и память, – сокрушенно рассуждал Томилин. – Нет, голубчик, это все клевета мелких людишек. Все, о чем мечтаю, это работа. Вот, этот кабинет, стопка бумаги и перо. Большого мне не нужно, о большем не мечтаю.

«Ай да прозаик, ай да, Василий Ильич. Быть ему председателем. Как заливается, какой слог, хоть сейчас на трибуну, и как складно и красиво. Дал же Бог талант», – с восхищением глядя на хозяина кабинета, размышлял майор, борясь с искушением поверить этому доброму, мудрому, бескорыстному человеку.

– И все же. Где вы были в утро убийства Зыкова с семи тридцати утра и до девяти?

– Спал, голубчик, в своей собственной кровати спал. Жена вот может подтвердить. У меня зимой предынфарктное состояние было, врач настаивает на спокойном образе жизни, встаю теперь не раньше восьми, не торопясь, завтракаю, потом небольшая зарядка – и за работу. А в полдень выхожу на моцион. Это если, конечно, у меня нет заседаний, или совещаний, или выездов на встречу с читателями. Но вчера не было.

– А кроме жены может кто-то подтвердить?

– Разумеется. Домработница Даша, она сейчас дома, и дети, конечно. У меня взрослая дочь, она уже в институте учится. И сын в этом году оканчивает школу. Так вот, они еще были дома, когда я встал.

– Базиль! Я ушла! – заглядывая в комнату, сообщила нарядная женщина с темными, красиво уложенными волосами, в бордовом шелковом платье. – Мы с Таточкой идем в Пассаж.

– Лидуся! Познакомься, это товарищ из уголовного розыска, – поспешил перебить ее Томилин, – по поводу несчастного Афанасия Петровича.

Женщина мгновенно уловила посыл.

– Ужасно, такая трагедия. Надо купить черный креп, скоро похороны. Мы все потрясены. – В ее умело подкрашенных глазах сверкнули слезинки.

«Просто в Большой театр попал», – решил про себя майор, глядя вслед упорхнувшей в Пассаж Лидусе.

Аморальная гражданка Сыромятникова проживала в соседнем подъезде, в небольшой квартирке под самой крышей. Кстати сказать, вход на чердак был открыт.

– Вы кто?

Писательница Сыромятникова выглядела потрясающе. Точеная фигура, светлые, пышно уложенные кудри, яркие пухлые губы, и платье, так плотно облегающее фигуру, что того и гляди лопнет по швам. На вид дамочке было лет тридцать или около того.

– Вы Сыромятникова? – на всякий случай уточнил майор.

– Ну. – Из квартиры в распахнутую дверь неслись звуки музыки, джаз. И слышались голоса. – Вы не могли бы побыстрее, у меня гости, – поторопила замершего на пороге майора детская писательница.

– Да, да. Конечно. Майор Долгушин, уголовный розыск.

– Да? И что вам от меня надо? – В глазах блондинки не промелькнуло ничего, кроме нетерпения.

– Я по поводу убийства Зыкова.

– А? Ну а я при чем? Мы едва знакомы, и живет он в соседнем подъезде.

– Говорят, у вас недавно был конфликт, и кстати, я могу войти или мы так и будем на лестнице разговаривать?

– Вообще-то у меня гости, – без всякого энтузиазма протянула Сыромятникова. – Ладно, проходите на кухню.

Кухня была маленькая, тесная, заставленная бутылками, грязной посудой, какими-то банками.

– Садитесь на подоконник, – оглядев помещение, предложила хозяйка. – Так что вы от меня хотели?

– Простите, а вы точно пишете для детей? – не удержался майор.

– А что, не похоже? – усмехнулась Сыромятникова. – Пишу. Рассказы для школьников. «Веселое звено», «Петька вожатый», «Дружный отряд» и так далее, и тому подобное. Любопытствуете? Можете дойти до Дома книги, в отделе детской литературы имеются мои опусы. Только пишу я под псевдонимом Елена Ермолаева.

– А, слышал что-то такое, племянник, по-моему, читал, – почесал макушку майор. – А как же вам удастся для детей писать?

– Слушайте, я занята, если вас интересует мой творческий путь, приходите на встречу с читателями и все узнаете.

Майор на такую отповедь обиделся, нахохлился и сердито спросил:

– Что за конфликт у вас был с покойным?

– Не было никакого конфликта. Просто этот старый козел Зыков любил лапищи свои тянуть куда не надо, вот и получил по морде, а потом сам же мне аморалку припаял и на общем собрании чихвостил, сволочь, – без всякого стеснения сообщила Сыромятникова.

– Зыков к вам приставал? – с сомнением спросил майор. – У него есть молодая красивая жена.

– Есть, вот за это она его, видно, и того, – нахально усмехнулась Сыромятникова.

– Где вы были вчера утром с восьми до девяти часов?

– Я женщина одинокая, мирно спала в своей постели и свидетелей могла бы и не иметь, но, к счастью, имею. У меня знакомые ночевали, они сейчас здесь и можете их опросить, уж коли явились. Мы с вечера хорошо погуляли и в девять утра дрыхли без задних ног.

Свидетелей майор опросил, а заодно решил и с соседями побеседовать, уточнить, где была Сыромятникова в момент убийства, а то больно ее знакомые выглядели неблагонадежно.

– Анька-то? Оторва бесстыжая, – презрительно буркнула Раиса Савишна, соседка Сыромятниковой, майор встретил ее на лестнице и решил ковать железо, пока горячо. – Да вы проходите в квартиру, разувайтесь.

В квартире у Раисы Савишны царили чистота и порядок, почти армейские.

– Наглая она девка, а вот дал Бог талант. Книжки детские пишет, ни в жизнь не поверишь, что она. Внук мой их обожает. Добрые, правильные, интересные. Мы покупаем, только не рассказываем, что она их написала. Слава тебе господи, под псевдонимом пишет. А вы почему ею интересуется?

– В связи с убийством Зыкова, вы его знали?

– А то, личность известная. Я, правда, думала, что его жена убила.

– Это пока не установлено, – сдержанно ответил майор. – А я вот слышал, у Сыромятниковой с покойным были плохие отношения?

– Да у нее со всеми плохие отношения. Человек такой.

– А недавно ей выговор за аморальное поведение вынесли, – не отставал майор.

– Давно пора.

– И сделали это с подачи Зыкова.

– Ну, так правильно, должность у него такая. А только ей все как с гуся вода, – отмахнулась Раиса Савишна. – Не те нынче времена, что прежде. Вот раньше бы ее быстро в чувство привели. А так... Вы чаю хотите?

– Не откажусь, – с радостью согласился майор. День клонился к вечеру, во рту у него с самого утра маковой росинки не было.

– Идемте на кухню. Мне сестра с деревни сала прислала, угощу. Не там вы ищете, – наливая чай, заметила Раиса Савишна. – Вы бы пригляделись к Анфисе, родственнице покойного, или к сыну его.

– А разве у них был мотив?

– Хм... Анфиса у Зыкова вроде приживалки была, хоть и сестра двоюродная. И с Афанасием Петровичем они вечно ругались, не одобряла она его. Особенно жену его Зинаиду, и из-за сына на него злилась. С сыном он еще после смерти первой жены ругаться начал, парень, едва школу окончил, из дома ушел. Анфиса всегда Петину сторону держала. В общем, чужие дела потемки, а только я бы присмотрелась.

– Так ведь Анфисы Тихоновны и дома не было, когда все случилось, – заметил майор.

– А это уж я не знаю. А еще у жены его Зинаиды хахаль имеется. Кто такой, не знаю, а только любит шикануть. На такси прокатится, одевается дорого. Может, и жулик какой, кто его знает.

– А еще кто?

– А еще, – задумалась Раиса Савишна. – Еще Ивана Пастухова расспросите. Хороший он мужик, а только вот с головой у него после контузии не очень. Жаль беднягу. Так вот, у него с Зыковым вражда не на жизнь, а на смерть. Пастухов, когда на фронт ушел добровольцем, у него в городе жена с ребенком остались, так вот, Зыков тогда в Союзе эвакуацией занимался и их из города не вывез, а жена Ивану, видно, отписала, что им бумаги не оформляют или еще что, а потом они умерли от голода, а Иван, как пришел с фронта, сразу к Афанасию Петровичу побежал. Такой скандал был! Он на весь дом орал, что Афанасий его семью убил, обзывал словами разными, хорошо, не пристрелил, соседи их растащили.

– Ничего себе, – покачал головой майор.

– Ну. Сейчас Пастухов в нашем доме не живет, квартиру его другим жильцам отдали, но в Союзе он состоит и печатается регулярно. У него наград полна грудь, он дважды Герой,

до Берлина дошел, да и знакомства у него наверху имеются, в Главном штабе. Зыков, может, и рад был бы его куда задвинуть, да руки были коротки, вот и терпел. Пастухов на праздничных заседаниях всегда в президиуме при полном параде, вся грудь в орденах. А у Зыкова две медальки болтаются.

– Так кто кого из них больше не любил?

– Обоим. Пастухов никогда не упускал случая про Зыкова гадость сказать, даже рассказ написал «Предатель», где под другими именами про себя и Зыкова написал. У нас все читали, а потом шушукались по углам. Зыков, конечно, виду не подал, что читал или что понял, о ком написано, а только вряд ли ему эта пилюля понравилась.

– Тогда выходит, что это Зыков должен был Пастухова убить.

– Не, у того кишка тонка, а вот Иван ему смерть жены с ребенком не простил. И никогда не простит.

«Недоброжелателей у Зыкова обнаруживается все больше и больше, а вот стоящих подозреваемых нет», – потирая лоб, размышлял майор Долгушин, шагая через двор писательского дома.

– Анфиса Тихоновна! – буквально налетел он на родственницу убитого, входящую во двор.

– Товарищ майор. Вы ко мне? – как-то неуверенно спросила Зыкова, и майор тут же ответил, что к ней.

– Вы извините, я устала очень, целый день дома не была, да и есть хочу, – входя в квартиру, проговорила Анфиса Тихоновна. – Пойдемте на кухню, у меня щи сварены, поедим.

Глава 4

20 апреля 1958 г. Ленинград

Анфиса долго сидела у Зинаидиных родных, обед им сварила, мать-то еле живая от горя, а детей кормить надо. Девчонки у нее, конечно, помощницы, а все ж дети, им самим забота нужна. Денег им подсунула потихоньку, мало ли что, а Зинаида известно где.

У самой Анфисы книжки на предъявителя имелись, туда Афанасий достаточно положил, чтобы вся семья не бедствовала в случае чего. Потом бельишко кое-какое простирнула, мать Зинина чуть ли руки не целовала, бедная. Жалко ее до слез. И Зинку жалко, несчастная она девица.

Анфиса из трамвая вышла на Манежной площади и не спеша пошла вдоль канала, бездумно глядя на воду, на решетку сада за Русским музеем, на яркую синеву небес над головой.

Она редко смотрела на мир вокруг, некогда было, дела, хозяйство, заботы, хлопоты, а смерть Афанасия словно глаза ей открыла. Вот придется завтра умирать, о чем она вспомнит, о чем подумает? О вчерашнем борще, о том, что в пятницу полы натирать надо? О соленьях на зиму, о носках заштопанных? О чем?

И стало ей до слез себя жаль, куда жизнь ушла? На что потрачена? Сколько лет она в Ленинграде живет, а что она хорошего видела? Рынок, дома за окном трамвая, два раза на концерте была. И один раз в музей ее Петя водил. Ну, Михайловский сад, Марсово поле, Летний сад, конечно, она там была, но вот видела она их? Нет. То за Петенькой следила. То вязала на лавочке, в спицы уткнувшись, а если по сторонам и смотрела, то думала все о своем, что сварить да что постирать. Что это за жизнь?

– Ой, простите, пожалуйста, – наткнулась Анфиса на даму, застывшую возле парапета.

– Ничего. Не страшно, – торопливо ответила та, и Анфиса вдруг поняла, что дама одета во все черное. Шляпка с вуалью, перчатки из черного кружева, жакет, юбка, чулки, все было черное, а волосы белые. Седые.

– Ой, – тут же пришла в себя Анфиса, забывая о всякой ерунде. – А я вас, кажется, уже видела, вы тут поблизости живете?

– Нет. Просто приезжаю сюда гулять, красиво здесь очень, собор в воде отражается, с куполами, мозаикой, решетка Михайловского сада, а дальше площадь Искусств и Михайловский замок, удивительное место. Я до Невского не дохожу, суетно там, шумно, – поделилась дружески дама.

А Анфиса цепко впиалась взглядом в ее лицо, пытаясь рассмотреть и запомнить черты, да вот беда, вуаль густая мешала, только и видно было, что губы узкие да подбородок.

– А сами вы где живете?

– Я... – замялась немного дама, назвать ее гражданкой или там женщиной язык не поворачивался. – Я на Петроградской стороне живу.

– А что же, вам там гулять негде?

– Ну почему же, есть. Но мне здесь нравится. А вы здесь неподалеку живете?

– Вон в этом доме, – кивнула Анфиса.

– А я на днях возле вашего дома милицию видела, случилось что-то? – полюбопытствовала дама.

– Брата моего убили, – вдруг поделилась Анфиса. – Двоюродного, но все равно что родного, под одной крышей жили.

– Ужас какой, – покачала головой сочувственно дама.

– Да. А самое плохое, жену его арестовали, думают, она это.

– А что же, против нее улики есть? – весьма грамотно осведомилась дама, никакой мистики в ее словах и манерах не было, только вот одежда.

– Да не знаю. А только дома они с Афанасием вдвоем были, больше никого, да и соседи никого из посторонних в подъезде не видели, – продолжала простодушно рассказывать о наболевшем Анфиса. – Я-то Зинаиду недолюбливала всегда, думала, вертихвостка избалованная, а у нее, оказывается, мать-инвалид, две сестренки, братик маленький, и она их всех тащила, а без нее как им прожить? Горе.

– Да может, еще разберутся, найдут настоящего убийцу?

– Кто знает, – безнадежно проговорила Анфиса и, почувствовав вдруг страшную усталость, едва кивнув незнакомке, пошаркала к дому.

А дама осталась стоять возле парапета, прямая, с гордой осанкой, едва касаясь рукой перил, глядя вслед Анфисе неподвижным взглядом.

«Как странно, может, эту самую даму видел Афанасий незадолго до смерти?» – думала Анфиса, тяжело шагая по переулку.

«А с другой стороны, ну, видел он эту старуху, ну, принял за Смерть, так она-то в этом не виновата, не она ж его убила. И потом, может, и не она это вовсе была, а кто другой. Вон еще ковыляет бабка, тоже в черном, только чулки нитяные и перчаток нет, ну и платок вместо шляпы, – взглянула она на другую сторону переулочка. – Фантазии это все, вымысел поэтический».

С майором тем, у которого утром была, она во дворе столкнулась, он на нее налетел буквально. Так ей хотелось отдохнуть, поужинать спокойно, подумать обо всем, да и Петя зайти собирался. Ан нет. Милиционер этот в гости навязался. Потолковать ему надо.

«Ладно, все лучше, чем к нему идти. Да и ужинать в компании веселее, вон щеки у него какие худые, да и лицо землистое, ест небось одну сухомятку», – входя в квартиру, размышляла Анфиса.

– Садитесь, руки вот только помойте, полотенце чистое на крючке висит у раковины, – ворчливо распорядилась она, нарезая хлеб.

– Вот это щи, ай да щи. У нас в столовой таких не варят, – старался задобрить хозяйку майор, уж больно она показалась ему ершистой, а для разговора это было не на руку.

– Да в какой же столовой такое сварят, такое жена должна дома варить, – все так же ворчливо проговорила Анфиса, берясь за ложку.

– Нет у меня жены. Не случилось, – наворачивая щи, пояснил майор.

– А чего ж так? Вроде не косой, не кривой, а может, пьющий?

– Да нет. Просто служба такая, некогда о личной жизни подумать.

– Вот уж это глупости. Чай, среди вашего брата женатых не меньше, чем среди прочих мужиков. Да и как же ты без жены справляешься, а постирать, а приготовить?

– Справляюсь. Привык. Да и сестра у меня есть, и племянник.

– Они с тобой живут? – Анфиса как-то незаметно перешла с майором на «ты», пожалев его по-бабьи и перестав бояться.

– Нет, они у Нарвской заставы живут, зять у меня на «Красном треугольнике» работает.

– А ты где живешь?

– А я на Выборгской стороне. Да я привык.

– На вот, у меня пирожки остались, с утра Зинаиде пекла. Ешь, – расщедрилась Анфиса Тихоновна, доставая из буфета блюдо с пирожками. – Небось на сухомятке сидишь. Чаю вот тебе подолью.

– А вы, Анфиса Тихоновна, замужем были?

– Нет. Не нашлось в деревне жениха, а в город приехала, не до того было. Петеньку растила, да хозяйство. А уж после войны и мужиков-то не осталось, – невесело усмехнулась Анфиса. – Так что тоже холостячкой живу.

Майор смотрел на хозяйку и удивлялся. Как это такая домовитая, хозяйственная женщина и собой приятная, а без мужа прожила. Ей бы детей семеро по лавкам, мужа работающего,

она бы их пирогами кормила, шами-борщами, и перед глазами у него поплыли тихие уютные картины, и борщами кормили почему-то его, и подушки ему взбивали, и кровать была с медными шариками и кружевным подзором, и ходики у них на стене бы тикали...

– Э, голубчик, как тебя разморило, – услышал он голос Анфисы Тихоновны. – Сидя спишь. Устал небось, набегался за день? А ты иди, приляг на диван в комнате, а я пока посуду помою.

– Ой, да что это я? – с силой потирая лицо, спохватился майор Долгушин, совершенно неприлично раскисший от вкусной еды и тихого разговора. – Вы извиняйте, гражданка Зыкова, это я чего-то... Пойду я, пора. А поговорим в другой раз, – краснея, бормотал он, со смущением вспоминая недавнее видение.

Но уйти он не успел, в дверь позвонили.

– Ой, Петя наш пришел, – обрадовалась Анфиса Тихоновна и поспешила в прихожую.

А майор опустил обратно на стул. Уходить сейчас было глупо, не профессионально. А он, старый служака, и так уж сегодня маху дал. Второй раз повторять не стоит.

– Вот, Петенька, знакомься, это Михаил Николаевич, из уголовного розыска. – Совсем не солидно, как-то по-свойски представила майора Анфиса входящему в кухню невысокому плотному мужчине со светлыми волосами и курносый носом.

– Зыков Петр Афанасьевич, – протягивая руку, представился сын убитого.

На отца он, кстати, вовсе был не похож. Ну, может, только уши да подбородок.

– Майор Долгушин, – вставая, представился майор.

– Ты, Петенька, садись, с работы ведь только? Сейчас я тебя покормлю, – суежилась радостно Анфиса. – Ой, а что это мы на кухне? Пошли в комнату, я еще чайку нам с майором погрею, мы-то уж поужинали, не дождалось. Ну как Тонечка, как Оля? Вы бы в выходной все вместе приехали, а? Ты хлебушка-то бери, сметанка свежая, кушай. – В глазах Анфисы светились безграничная любовь и ласка, и майору даже стало завидно, что обращено это все не на него, а на какого-то постороннего парня.

– Спасибо, тетя Анфиса, очень вкусно, Тоня такие щи варить не умеет, не получается почему-то, – улыбался ей Зыков-младший, и лицо у него было доброе, открытое. Лицо честного человека, такой отца убить не мог.

– А вы где работаете, Петр Афанасьевич? – приступил издалека к делу майор.

– На Балтийском заводе, инженером, сразу после института распределился и работаю. Сперва хотел куда-нибудь на Дальний Восток или еще подальше, страну посмотреть, себя испытать, но научный руководитель уговорил, что у нас самые мощные верфи и корабли самые современные строятся, да и в аспирантуру он меня метил, да, видно, ошибся. Мне на производстве интереснее.

– А о гибели отца вы как узнали?

– Тетя Анфиса вечером вчера позвонила. Я сперва никак поверить не мог, – откладывая ложку, под неодобрительным взглядом Анфисы проговорил Зыков-младший. – Прямо потрясение.

– А как думаете, кто мог убить вашего отца? – не спеша расспрашивал майор, стараясь не встречаться с гневным взглядом Анфисы Тихоновны.

– Так вроде же Зинаиду арестовали? – удивленно обернулся он к Анфисе.

– Арестовали по подозрению, и следствие еще не закончено, – наставительным тоном пояснил майор.

– Ну, если не она, тогда не знаю, – снова берясь за ложку, ответил Петр Афанасьевич. – Мы с отцом в последние годы мало общались.

– А где вы были вчера утром с половины восьмого и до девяти?

– Мне к восьми на завод, так что в десять минут восьмого вышел из дома, а без пяти восемь уже на проходной был, можете проверить, у нас с этим строго. И до конца рабочего дня с завода не выходил, – ничуть не обидевшись, объяснил Петр Афанасьевич.

– Ну что ж, приятного аппетита, спасибо за ужин, пойду я, – чуть смущенно попрощался майор, поднимаясь из-за стола.

– На здоровье, – торопливо ответила Анфиса Тихоновна, и майор за эту невнимательную поспешность снова слегка обиделся как последний дурак. – Вы там Зинаиду долго не держите, найдите преступника, а она не виноватая. Это я вам точно говорю, – напутствовала его Анфиса и захлопнула дверь.

А чего он хотел, старый дурень? Чтобы его каждый день на пироги звали? Не-ет. Не те у него годы.

– Итак, ребята, что у нас есть, – положив перед собой исписанный крупным неразборчивым почерком лист бумаги, проговорил майор. – Прозаик Томилин. Сосед убитого, тип скользкий, такого за рупь за двадцать не ухватишь. Но мотив у него был и возможность, считаю, тоже. Алиби подтверждают жена, домработница и сын-школьник, но там такая семейка, соврут на голубом глазу.

– Жена! Да такой свидетель что хочешь подтвердит, – усмехнулся Саня Ломакин, смешливый, веснушчатый парнишка, недавно пришедший к ним в отдел по комсомольскому набору. – А еще сын, станет он папашу подставлять!

– Вот ты и займись его алиби, – тут же поспешил распорядиться майор. – Заодно проверь, во сколько Петр Зыков в день убийства на службу явился и во сколько ушел. В общем, алиби проверь. Далее, Анна Сыромятникова. Тут у меня есть сомнения. Девушка очень распушенная, бойкая, нагловатая, с покойным была в плохих отношениях и этого не скрывает. Талантливая писательница. Убить теоретически могла, алиби сомнительное. В общем, надо проработать внимательно, и лучше, если Сыромятниковой займется Леша Докучаев.

Леша молча кивнул. Был он парнем высоким, видным и очень каким-то правильным, как плакатный милиционер. И ведь был он таким по жизни, умным, красивым, честным, добрым, воспитанным, а еще смелым и сильным, потому что занимался спортом и всегда их отдел во всех соревнованиях на первое место вытягивал.

Против такого молодца ни одна дамочка не устоит, даже такая, как Сыромятникова, в этом майор не сомневался.

– Дальше Семен Морозов, этого Зыков с квартирой прокатил, у него сложная семейная обстановка, думаю, лучше тебе заняться, Павел Семенович.

– Есть заняться, – кивнул невысокий, худощавый, лысоватый, одним словом, совершенно невзрачный, но зато очень душевный капитан Понуров.

– И еще, Иван Пастухов тоже на тебе, жена у него с ребенком в блокаду умерла, он в их смерти Зыкова обвинял. Николай Ефимович, тебе – разыскать поэта Воробьева, скандал у них был с Зыковым на весь город, а потом он куда-то уехал, ты к секретарю Союза обратись, Ираиде Викторовне, она тебе подскажет, с чего начать. А я с приятелями Зинаиды Зыковой встречусь. – Про Анфису Тихоновну майор промолчал.

Лучшая подруга Зинаиды Зыковой, Дуська, как ее неуважительно называла Анфиса Тихоновна, проживала на улице Салтыкова-Щедрина в красивом большом доме с огромной пышной аркой посреди фасада, почти не пострадавшем от бомбежек.

– А вы к кому? – весьма развязно встретила майора хозяйка квартиры.

Евдокии Мальцевой на глаз было лет тридцать пять, выглядела она на все тридцать восемь, а по паспорту значилось тридцать три. Усталые глаза, несвежая кожа, пестрый пла-

ток поверх бигуди и длинный потрепанный халат, из-под которого нескромно выглядывала сорочка.

– Евдокия Сидоровна?

– Ну, я.

– Майор Долгушин, Ленинградский уголовный розыск, – вытаскивая из кармана корочку, представился майор.

– Из-за Зинки, что ли? Ну, проходите.

В комнате было сумрачно из-за задернутых штор и душно. Пахло табаком, невытой посудой и грязным бельем, такой специфический запах, который витает в квартире после бурной гулянки. Но ни грязной посуды, ни неприбранной кровати в комнате не наблюдалось. Стол был пуст, стулья стояли на своих местах, буфет заперт, рояль закрыт. Хм...

– Садитесь, – кивнула на диван хозяйка, устраиваясь за столом. – Не могла Зинаида этого сделать, не могла, – закуривая, решительно проговорила Евдокия Сидоровна. – Афанасия она, конечно, не любила, да и кто такого полюбит? Но жила за его счет и дальше собиралась, а любовью у нее и на стороне хватало. И потом. У нее мать на инвалидности, так Зинка всю семью на себе волокла, со школы подрабатывала, а когда за Афанасия вышла, сперва девчонок с матерью придела, а потом уж сама, – с охотой рассказывала хозяйка. – Нет, у нее, конечно, и до Афанасия были мужчины, подарки делали, в рестораны водили, но замуж никто не брал. Я уж и то ей говорила, чтобы заканчивала скакать как стрекоза. Так и жизнь вся пройдет, а на старости лет кому ты нужна будешь? – покачивая носком домашней туфли, рассуждала Евдокия Сидоровна. – А тут как раз и Афанасий нарисовался. Я ей сразу сказала, иди, не думай. Я вот со своим Яковом Абрамовичем уже шесть лет живу, он у меня в ювелирной мастерской работает. Да, не Аполлон и в годах уже, но зато сыта, одета, обута и даже сын растет, Юрка. Не от мужа, конечно, но он-то этого не знает, – криво усмехнулась Евдокия Сидоровна. – Так что Зинаиде мужа убивать смысла не было. Из-за денег? Так он ей ни в чем не отказывал. Из ревности? Не смешите меня! К кому этого старого борова ревновать. Из любви? Так Зинаида не любила никого, с тех пор как ее жених бросил. У нее словно сердце умерло, так изменилась. Я ведь ее давно знаю, только раньше мы не дружили совсем, а теперь вот... Так что не там ищите, дорогой товарищ майор.

– Ну а любовник у Зинаиды Зыковой был?

– Был. Майор один, только помоложе вашего. Он сюда в командировку приехал, да в Зинаиду и влюбился. Ему уезжать скоро, стал ее замуж звать, только она ни в какую. И правильно, нашел дуру, богатого мужа, Ленинград, отдельную квартиру, театр менять на коммунушку где-то в тайге в гарнизоне.

– А он что же?

– Не знаю. Спросите у него. Его Вадим зовут, фамилия Снегирев, он, кажется, артиллерист. А может, нет? Я что-то не помню, а вы у Зинаиды спросите, она же у вас сидит, вот и поинтересуйтесь, – язвительно усмехнулась Евдокия Сидоровна. – А вообще, любите вы, мужики, бескорыстных дур, чтобы ради вас в ссылку, в Сибирь, на рудники, а сами, чуть что, хвост поджали – и в кусты. Мерзость, – совсем другим, горьким тоном заметила Евдокия Сидоровна.

– Ну, не стоит всех под одну гребенку ровнять. И потом, что касается рудников, вам уж это точно не грозит, – отбрил ее в ответ майор.

– Не ваша в том заслуга, – резко бросила в ответ Евдокия Сидоровна. – Меня тоже, как и Зинку, жизнь научила. Тоже попался такой вот бравый вояка. Букеты, конфеты, я тебе подарю луну и звезды, навеки вместе, весь мир к твоим ногам. А когда я забеременела, только его и видели, смылся-испарился. А я, дура малолетняя, осталась в восемнадцать лет с ребенком на руках.

– Но не погибли же.

– Нет. Ребенок умер. – Голос женщины словно дал трещину, будто сквозь зачерствелую корку просочилась капелька боли. – Жили в бараке, впроголодь, мальчик мой болел сильно, витамины нужны были, полноценное питание, а где его взять? Зато теперь у Юрки все есть. И витамины, и музыкальная школа, и велосипед, и коньки, и ботинки зимние. Так что лучше уж за Афанасием замужем быть, в тепле и под защитой, чем в глухой тайге в любовь играть.

Глава 5

21 апреля 1958 г. Ленинград

Саня Ломакин был парень простой, незамысловатый. В школе учился хорошо, общественной работой занимался, амбиций особых не имел, в детстве, конечно, хотел стать то танкистом, то летчиком, то моряком-подводником, но в военное училище его по состоянию здоровья не взяли, и пришлось после школы идти в ремесленное. Скучно, никакого героизма, а тут набор в милицию. Засады, перестрелки... И Саня пошел и служил уже третий год, и бывали уже и засады, и даже перестрелка однажды, и работа Сане очень нравилась, и он даже на заочный поступил, на юридический. Михаил Николаевич очень его в этом поддерживал, да и вообще, хороший мужик их майор, как отец родной. Когда надо, похвалит, а когда надо, так выплест, что аж в глазах искры.

Дело об убийстве поэта Зыкова представлялось Сане делом скучным, понятным, убила поэта жена. Потому что больше некому, и наверняка из ревности. И чего тут еще расследовать, Саня не понимал, но раз начальство задание дало, выполнить его надо добросовестно.

А потому к прозаику Томилину он не пошел, а решил прогуляться до школы, где учился Томилин-младший, и посетил сперва директора, затем председателя комсомольской организации, побеседовал с классным руководителем, а затем, получив полную характеристику на свидетеля, отправился в школьный двор, дожидаться окончания уроков.

Мальчишка, выходит, непростой. С виду примерный, положительный, ни в чем плохом не замеченный, но какой-то уж больно тихий и правильный. С ребятами в классе поддерживал хорошие отношения, но в близкой дружбе ни с кем не состоял, разве что с Михаилом Постниковым, да и то постольку-поскольку. Общественной работой занимался добросовестно, но как-то механически, даже прагматично, по выражению классной руководительницы. Учился хорошо, на «четыре» и «пять», но любимых предметов у него не было. В общем, получался человек без полета, без страсти, а так, себе на уме.

Сложный тип. От такого добиться правды будет непросто. А может, с его приятелем попробовать поболтать? Миша Постников показался Сане объектом более перспективным.

– А вы кто? – подозрительно взглянул на Саню высокий, ладно сложенный парнишка в ученической куртке.

– Я из уголовного розыска, – доставая документ, заговорщицки сообщил Саня. – Нужна твоя помощь.

– Гм... – качнув головой, хмыкнул Миша. – А что надо?

– Ты с Володией Томилиным дружишь?

– Ну вроде.

– Что значит «вроде»?

– А у него все в жизни «вроде». Вроде дружит, вроде комсомолец, вроде нравится, вроде хочет, и так далее, – очень метко заметил Миша. – Так что надо?

– А надо, Михаил, помочь следствию, – максимально серьезно и веско сказал Саня. – Надо как-то выяснить, был ли дома отец Володи Томилаина девятнадцатого апреля с восьми утра и до девяти. Выяснить это надо как-то по-хитрому, но наверняка. Сможешь?

– А зачем это надо? И почему вы сами его не спросите?

– Потому что он именно что «вроде». Не могу я быть уверен в его ответе. Это раз, а во-вторых, дело очень важное. Речь идет об убийстве.

– А, это из-за писателя того, что в их доме зарезали? – сообразил Михаил.

– А ты откуда знаешь?

– Да у нас полшколы в этом доме живет, в тот же день только и разговоров было, – пожал плечами Михаил. – Вы извините. Мне в булочную надо, – остановился у дверей магазина Миша.

– Да, конечно. Так что, мы договорились, сможешь выяснить?

– А нечего тут выяснять. Не было его отца дома.

– Откуда ты знаешь? – схватил его за руку Саня.

– Знаю. В то утро даже Володька ожил, – усмехнулся Михаил. – Танька Рогозина первой в класс прибежала и с порога заорала, что в писательском доме человека зарезали. Потом как раз Володька пришел, у нас все уже гудели, ну и рассказал мне, что его отец в то утро как раз домой от Володькиной тетки возвращался, она у них в Парголово живет, курей разводит и корову держит, так они раз в неделю к ней за яйцами ездят и за молоком. Вот отец с вечера поехал и заночевал там, а утром вернулся и слышал, как жена убитого голосила на весь двор «Убили! Убили!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.